

ДРУГИЙ КОНКУРС
МІЖНАРОДНА
СЛОВ'ЯНСЬКА
ПОЕТИЧНА ПРЕМІЯ
2014

збірка поезій

ВТОРОЙ КОНКУРС
МЕЖДУНАРОДНАЯ
СЛАВЯНСКАЯ
ПОЭТИЧЕСКАЯ ПРЕМИЯ
2014

поэтический сборник

Харьков «Майдан» 2015

УДК 82-1
ББК 84(4Укр)
Д 76

Редакційна рада:
В.С. Бойко, В.І. Картавих, С.К. Шелковий

Редакционный совет:
В.С. Бойко, В.И. Картавих, С.К. Шелковий

Д 76 **Другий** конкурс «Міжнародна Слов'янська Поетична Премія» 2014: збірка поезій / Упорядник С.К. Шелковий. — Харків: Майдан, 2015. — 140 с.

Второй конкурс «Международная Славянская Поэтическая Премия» 2014: поэтический сборник / Составитель С.К. Шелковий. — Харьков: Майдан, 2015 — 140 с.
ISBN 978-966-372-577-2.

В итоговом сборнике опубликованы произведения лауреатов, дипломантов и некоторых участников второго творческого Конкурса «Международная Славянская Поэтическая Премия»-2014 для молодых поэтов, пишущих на разных славянских языках.

В разделе «Приветствие через поколение» публикуются также стихотворения и переводы членов международного жюри Конкурса МСПП.

УДК 82-1
ББК 84(4Укр)

ISBN 978-966-372-577-2

© Шелковий С.К., составление, вступительная статья, 2015
© Авторы произведений, стихотворения, переводы, 2015

О МЕЖДУНАРОДНОЙ СЛАВЯНСКОЙ ПОЭТИЧЕСКОЙ ПРЕМИИ

Первый конкурс Международной Славянской Поэтической (МСПП-2013) премии не прошёл незамеченным и получил позитивный общественный отклик — литературные сетевые порталы Украины и России, Болгарии и Сербии поместили на своих страницах как информацию о конкурсе и его лауреатах, так и отклики на выход в свет итогового поэтического сборника МСПП-2013.

Ярко-синяя обложка сборника с красно-белыми узорами традиционной славянской вышивки загорелась и на софийском сайте «Литературен свят» и на белградском ресурсе «Заветине». Заинтересованно откликнулся на ход конкурса и целый ряд украинских и российских сайтов.

Одной из основных задач конкурса является, конечно, моральная и материальная поддержка молодых одарённых литераторов различных славянских языков. Хороший пример реализации этой поддержки показал, в частности, лауреат второй премии МСПП-2013 россиянин Максим Бессонов, использовав полученную премиальную сумму по прямому назначению и издав на эти средства свой второй поэтический сборник. Так что его восклицание при вручении премии «О, как вовремя, как раз кстати для новой книги!» не осталось только лишь минутным выплеском

эмоций, но озвучило по сути реальный творческий план.

Вышел новый поэтический сборник «Абрикосы Донбасу» и у первого призёра МСПП-2013 Любо-ви Якимчук, вышла книга её украинских стихов, изданная львовским издательством «Видавництво Старого Лева». В ней — стихи о родной автору украинской донбасской земле, о жестоких человеческих испытаниях последних двух лет, о горьком привкусе сегодняшних плодов шахтёрского края.

Что же касается моральной поддержки, общественного признания творчества молодых, то это признание поднималось порой в русле нашего конкурса на весьма высокий уровень. Вручая третий приз МСПП-2013 в Софии молодой болгарской поэтессе, я стал свидетелем того, как перед заполненным праздничной публикой концертным залом Центра Культуры на улице Шипки было зачитано приветственное письмо министра культуры Болгарии нашему призёру Лоре Динковой, имениннице этого творческого вечера.

И в целом литературное действо этого тёплого софийского вечера 10 июня 2014 года удалось во всех отношениях. Слушатели в зале, коллеги Лоры Динковой по университету, поэты и филологи, художники и музыканты, радушно принимали каждое выступление, независимо от того, звучало ли оно по-болгарски, по-украински или по-русски.

На трёх окликающих друг друга языках читали стихи и юный лауреат конкурса, и члены жюри МСПП — болгарский поэт Красимир Георгиев в переключке с автором этих строк. Приветственные спитчи ещё нескольких литераторов и филологов из Софии перемежались пассажами

фортепианной классики. Атмосфера вечера, без всяких преувеличений, установилась живительной и дружественной, воистину вдохновенной.

Щедрый софийский вечер за окнами дышал нагретыми за день акациями и платанами. Было немного жаль, что и эта добрая встреча завершилась, и слегка досадно, что уже завтра ждал меня обратный путь из Софии — через Велико Тырново и Пловдив в Созополь и в аэропорт Бургаса. Но и то — слава Богу: новые стихи о Тырново и Пловдиве, о Софии и Созополе появятся уже в том же июне — как дань признательности гостеприимной Болгарии — стране, полной южного солнечного колорита и говорящей на таком узнаваемом, воистину братском, языке.

Во втором конкурсе МСПП-2014 приняли участие молодые поэты из Украины, России, Казахстана, Латвии, Молдовы. Международное жюри конкурса, расширившее свой прошлогодний состав, — Виктор Бойко, Игорь Лосиевский, Константин Савельев, глава жюри Сергей Шелковый (все — Украина), Олег Комков (РФ), Красимир Георгиев (Болгария), Казимеж Бурнат (Польша), Владимир Ягличич (Сербия), — присудило первое и второе места молодым украинским поэтам Антонине Тимченко и Анастасии Перевозник.

Третьим лауреатом стал пишущий на русском языке поэт из Молдовы, кишинёвец Леонид Поторак, получающий ныне образование в Пражском университете в Чехии. Так же, кстати, как и участница МСПП-2013 харьковчанка Светлана Фёдорова, которая завершает сейчас своё обучение в аспирантуре университета старинного чешско-моравского города Брно.

Немалые новые возможности предоставляет молодёжи то обстоятельство, что нынешние

границы государств в Европе, да и во всём мире, становятся всё прозрачнее. Человеческие отношения всё уверенней и плодотворней работают в режиме взаимодействия, интеллектуального взаимообогащения. И по замыслу организаторов нашего творческого конкурса Международной Славянской Поэтической премии этот проект призван следовать тому же вектору.

Вслед за тремя лауреатами конкурса дипломантами МСПП-2014 по решению Международного жюри стали Кирилл Алейников (РФ), Татьяна Иванова, Олег Коцарев, Юлия Максимейко, Наталья Пасичник, Алексей Юрин (Украина). Все они награждаются дипломами и публикациями их произведений в итоговом поэтическом сборнике МСПП-2014.

Подобно тому, как проницательный мистер Холмс по одной случайно обронённой реснице неизменно разгадывал все замыслы профессора Мориарти, истинный читатель поэзии может угадать и по немногим поэтическим строкам важные достоинства человека пишущего, скажем смелее — мыслепоящего. Дадим же здесь краткое слово каждому из трёх наших новых поэтов-лауреатов.

Вот, например, философские раздумья Антонины Тимченко о времени, об истории, глубинные и щедро-образные:

Уривки слів про тіні у степу,
про сутінки, що наставати сміють,
про саламандру, наче Соломію,
гнучку. Про силу споришевих пуг.

Застуджений цвіркун. Камінний сон.
Кармічний шлях. Кармінний подих тиші.

*Оторопіння на землі і вище.
Швидкої смерті степове ласо...*

*А вот и нежный лирический голос Анастасии
Перевозник, в котором едва ли не основная интонация — ощущение того, что «дорога та зветься любов...»:*

*Ти слідами моїми не йди. То дорога не та.
То дорога у гори, в ліси, ув озера глибокі.
Пересохли вуста
у розп'ятого вчора Христа.
Зазирає у душу тривога всевидящим оком.*

*Ти слідами моїми не йди. Я й сама не дійду —
манівцями блудитиму в звивистих лініях долі.
Так, уламки минулого важко звести до ладу,
як сльозу не спинити, що котиться вниз мимоволі...*

И наконец, несколько строк совсем ещё юного поэта, пражского студента из Кишинёва Анатолия Поторака, лишённых по молодёжной джинсовой моде каких-либо знаков препинания, но сохраняющих верность главному — первородной музыкальной основе поэзии:

*Ах какие струны звучат низами
Как легко скрипач отдает поклон
Если кто когда и придет за нами
Хорошо бы он...*

Надеюсь, что пока что за всеми нами, и молодými участниками конкурса, и его организаторами, придёт Третий конкурс МСПП-2015. Впрочем, придёт он, если мы общими усилиями сумеем вывести его на свет Божий. В сегодняшней

них сложнейших политических и экономических условиях на Украине организация подобного конкурса требует немалых усилий.

И вот сейчас, слава Богу, выходит в свет этот новый поэтический сборник по итогам Второго конкурса. Появляются в нём новые поэтические имена, звучит на его страницах украинская и русская, болгарская, польская и сербская речь. Конкретное дело, несущее человеческий и общекультурный позитив, не стоит на месте.

И потому скажем друг другу снова, уже на третьем витке нашего творческого замысла о поэзии без границ: «До встречи в декабре, в день рождения странника, поэта и философа Григория Сковороды, на празднике поэзии, на вечере чествования новых молодых лауреатов Международной Славянской Поэтической Премии».

Сергей ШЕЛКОВЫЙ

ТВОРИ УЧАСНИКІВ КОНКУРСУ

ПРОИЗВЕДЕНИЯ УЧАСТНИКОВ КОНКУРСА

Антоніна Тимченко

Україна

Перша премія

* * *

Уривки слів про тіні у степу,
про сутінки, що наставати сміють,
про саламандру, наче Соломію,
гнучку. Про силу споришевих пут.

Застуджений цвіркун. Камінний сон.
Кармічний шлях. Кармінний подих тиші.
Оторопіння на землі і вище.
Швидкої смерті степове ласо.

Із пагорба вдивляється бабак
у виярок, туманом перекреслений,
і думає, чи справдиться мольба,
чи буде так, що всі колись воскреснуть.

* * *

Раз у раз перевіряє двері
(все життя), ключа залізного торкаючись.
До дитини не пускає жодних Мері
Поппінс, відсилаючи подалі.

Тато і дочка, як слон і мишка,
туляться, чекаючи неясно:
він — що страх допустить передишку,
а вона — що раптом буде казка.
І надходить спокій, щоки гладить,
як мала, проводить по щетині.
Й чоловік римує — так доладно,
як слова не йшли іще донині.
Для малої молоко, собі півкави
і говорить, приколисує гаркаво.
І нема нічого довшого й певнішого,
аніж вечір: чоловік, дочка і вірші.

* * *

Грізно і певно, зсунувши брови, як вождь
соціалізму, скаже товариш мудрий,
що все не так і що «все мы здесь не для того»...
Чай закипає, країно, доброе утро!
Кидаю в чашку заварку і рафінад
і наливаю окріп із якоюсь злістю —
начебто мщуся зараз, що кожен з нас
щиро хотів добра і тепер втомився.
Бо на усяке діло є свій кордон,
бо на усяке тіло — усякі сили.
Господи Боже, дай зупинитись до
того, як чорним зробиться біле.

Пісенька про банальну риму

Як завжди, ляжу о другій —
немає у мене друга,
аби почитати вірші
о цій порі опівнічній.

І правда, як нелогічно:
розбурхати чоловіка,
аби, як банальна рима,
сонно кліпав очима.
Дитина — вона мала ще,
хоча і дуже уважна,
і зовсім навіть можливо,
вона б мене зрозуміла.
Та ні, відкладаю вірші,
йду спати, вже пізно, друга.
А мо, почитає тиша,
якщо вона має друга.

* * *

Писати знічев'я — ниточку загублю,
писати із радості — наче бракує нерву.
А ось печаль — геть її, не люблю —
пише й живе зі мною, ніби колега.
Вправний співавтор дає і думок і слів,
димний філософ, Сартр чи Шопенгауер...
Зовсім не знаю, як білизну золить,
і козака любити, й гуляти гаєм.
Все історизми, софізми, аргю, кліше,
екзистенційність, натурфілософія, ретро...
От і печаль тому,
що розум лише —
це набувне,
а життя не знаю зсередини.
Ось воно й радість — минуща, пуста, не вся,
її, недолугу, й на слова не обернеш.
Справжня радість — у мого дідуся,
коли праонукові простягає цукерку.

Анастасія Перевозник

Україна

Друга премія

* * *

Ти слідами моїми не йди. То дорога не та.
То дорога у гори, в ліси, ув озера глибокі.
Пересохли вуста
у розп'ятого вчора Христа.
Зазирає у душу тривога всевидящим оком.
Ти слідами моїми не йди. Я й сама не дійду —
манівцями блудитиму в звивистих лініях долі.
Так, уламки минулого важко звести до ладу,
як сльозу не спинити, що котиться вниз мимоволі.
Що колись відбулося — сьогодні під серцем болять.
У Ісуса в очах відбивається натовп шалений,
за плечима Його — божевілля і крик лихоліть...
Ти за мною не йди. Я — лиш нитка в старім гобелені,
я — трава при дорозі, я — крапля з чола трударя,
я торую дорогу в тумані, лечу за вітрами.
Світ цей зрікся пророка і зрадницьки стратив царя —
і хто знає тепер, що відбудеться далі із нами.

Голос

I.

Не замовкай. Лиш тільки не мовчи.
Лічи зірки, наспівуй колискові,
слідкуй, як час вертає всіх на кола
свої одвічні, плутай нитку колій,
шукай одну із безлічі причин
мене зустріти в місті випадково,
і не лишай одну, коли тремтять
від снів важких заплющені повіки.
Коли лунає сміх з розкритих вікон,
коли любов вплітається навіки
в таку коротку лінію життя,
її вже не обірве жоден вітер.
Не замовкай. Бо голос — мов свіча:
дмухнувши раз, загасиш ненароком.
Бруківка вчиться розрізняти кроки:
мої — тонкі, твої — важкі й широкі,
аби колись крізь тисячі мовчань
нам підказати схрещені дороги.

II.

Так, ти кохай. І стукай у вікно,
коли у двері стукати не можна.
А шум оцей — притишений, тривожний —
то лиш дощу прадавній метроном.
І не мовчи. Це легше, ніж тобі
колись здавалось. Чуєш, в тиху осінь,
мов фенікс, повстає із безголосся
твій сильний голос?
...Знаєш, кожен збіг —
маленьке диво, що саме прийшло,
пухнастим кошенням вляглося поряд,

і ловить кожен подих, кожен погляд,
перетворившись на прозоре тло,
бо в світі, дивовижнім і простім,
не випадковість — доля має владу...
У кольорах багряних листопаду
розсипле сонце краплі золоті.

* * *

Ти тримай мене так, ніби завтра почнеться війна,
і розірвуться бомби в ногах хмарочосів захмарних.
Білий світ — це одна невеличка місцева лікарня,
де лікують любов'ю. На декого ліки намарно
переводить не хочуть, а інших пігулок нема.
Ти цілуй мене так, мов почався всесвітній потоп,
і дощі заливають будинки, як чаші, по вінця.
Ми так мало кохали, щоб вмерти у нашому віці...
Королі та міністри тікають з промоклих провінцій,
полишаючи книги, папери і власні авто.
Ти співай мені так, ніби час зупинився на мить,
і завмерли птахи, пролітаючи над узбережжям.
І нехай все, що маю, — карткова похилена вежа,
десь за обрієм сонце лягає в траву обережно.
Хтось крокує туди. І хто знає — можливо, і ми.

* * *

Поки можна писати листи і рука не підводить,
і у мене є ти, то Господь ще зі мною іде.
Він любові човни опускає без страху на воду
і дарує самотнім освячений радістю день.
Поки з кісточки вишня цвіте, розправляючи віти,
і дощі виноградом холодним із хмари ростуть,
то нам треба іти, і з дороги своєї радіти.

Крізь усі перепони побачити треба мету.
Поки тепла хлібина у торбі, і море солоне,
і у мене є ти, то зі мною мандрує сам Бог.
Я до тебе дійду крізь дощі, крізь усі перепони,
бо дорога одна. І дорога та зветься любов.

* * *

Іще гірчить у горлі сивий дим
середньовічних аутодафе.
Вік двадцять перший. Ідємо хто куди,
шукаючи полишені сліди
поміж неонів, статуй і кафе.
Від Хіросім до Золотих воріт —
відомо все. Годинник цокотить,
і кожен крок у цій шаленій грі
запишуть, підрахують, наче гріх —
колись за нього ще заплатиш ти.
То не кінець, отой розплати час —
останній штрих, що коло замика.
І спурхне голуб із твого плеча,
і цілий світ закінчень і начал,
осягнений, опиниться в руках.

Леонид Поторак

Молдова, Чехия

Третья премия

Ночь нежна

Ночь нежна. У побережья вереск.
Vita brevis. Мы, конечно, ars.
Где-то Велес двигает на нерест
Племя звезд, невидимых для нас;
Поздний катер с пристани бормочет;
В лавке крутят «Putting on the Ritz».
Ночь ценна лишь способом воочью
Наблюдать отсутствие границ,
Из всего, что тянется и длится,
Оставляя части, а от них —
Джаз и лица, только джаз и лица,
С явным преимуществом вторых.
И тогда — из бесконечной саж
Прочего — является тебе
Разум, порождающий пейзажи
С темным дубом, песней и т.д.
Пой мне, голос в записи нечеткой,
Радуги вращающийся срез,
Пой мне о безвременье и чем-то
Также начинающимся с «без»,
Чтобы до утра успеть разглядеть
Этот бред, полуночный угар.

Слушай: ночь нежна, как *ars amandi*.
И прими как данность, а не дар,
Нашу близость, давнюю, наверно,
К той, недосыгаемой на вид,
Области, где чуть колеблем ветром
Парус, и мгновение стоит.

10 января 2014 года

Фонарь не горит. В темноте начинается год,
Чья краткость рассчитана верно от древних колен до
Еще не рожденных. Моргнешь — и сочельник, и вот —
Вторая календа
Уже различима на следующем рубеже,
Где брезжит какая-то чуждая сердцу свобода,
С потерей гранича, и судьбы полны миражей
Вблизи поворота.
Рождественский дизель пропах кипятком и смолой.
Рокоцущим стадом от темного хлева отчалив
Вагоны выходят, январь унося за собой;
Вагоны в печали.
Печаль их, конечно, светла, как и должно в пути.
Им снится, что чуда не будет, и нечто большое
Уже, вероятно, осталось за цифрой «один»
И запахом хвои.
Тогда, словно снова над крышами всходит трубач,
Январский глашатай, и миру обещаны знаки,
Выходят из полночи ангелы мелких удач,
Стоят в полумраке.

Никому ни о чем

Видно, Земля несвободна в своих правах,
Каждую ночь повторяет одно лишь это:

Меркнет полмира. С разницей в час или в два
Спят города, страны и части света.
В чьем-нибудь полушарии спят огни.
Спят лоскуты на карте, равняясь в цвете.
Я расскажу тебе об одном из них,
Кажется, больше не о чем, кроме этих
Улиц, полей и стен, площадей и сцен.
И обо всех углах их кирпичных судеб,
Уже отпечатанных на моем лице,
Я расскажу, как о великом чуде.
Я не любил, но готов полюбить поля.
Если кому и слышать о них — не мне ведь.
Слушай о том, как прекрасна моя земля,
Ты далеко достаточно, чтобы верить.
Если подумать, в каждом из городов
Мало разнятся стены и повороты.
Я их и сам сейчас полюбить готов,
Слушай о том, как смешно быть отсюда родом.
Как на одном из сколько-нибудь этажей,
В доме, где угораздило же родиться,
В доме, который никак не достроит Джек,
Я все живу и дружу с домовою синицей.
Как ни крути, сколько ни бей волна,
Сколь ни гони нас — вместе ль, поодиночке? —
Я человек, идущий из пункта А,
И не сменить вовек мне исходной точки.
Адрес рожденья — чей-нибудь, мой ли, твой,
Той ли, того, или обоих вместе —
Это навек навязанное родство
С контуром рек и чертежом созвездий.
...Что-то в палате небесных весов и мер,
Как в королевстве Датском, не ладит с миром.
Спит моя родина с маленькой буквы «р»,
Спрятавшись от голосов и шумов эфира.
В ссоре со всеми, включая саму себя,
В мире и в море, и где-нибудь в небе тоже,

В каждом осколке бедного бытия...
Вы с ней похожи. Просто вы с ней похожи.
И прочертив углом городской уют,
Дремлет в пыли и воробыном споре
Улица, так похожая на твою.
Что не твоя — уже небольшое горе.
Спят провода, и телефонный пульс
Замер на полдороге до адресата.
Я не звоню, не думаю и не снюсь,
Я сочиняю сказку о том, что рядом,
Том, что все пристальней смотрит в мое окно,
Это мой край, отчасти — моя забота.
Впрочем, ты спишь, и становится все равно,
Что там снаружи, и есть ли еще там что-то.
Спи. Чья-то родина — только одна из тем,
Чтобы продлить беседу. Но с каждым разом
Я все прочней в ее попадаю плен.
Да будет твой сон с ней никак и ничем не связан.
Раннее лето, крадучись, на порог
Всходит и прячет мир на изгибах платья.
Эта земля не стоит твоих тревог.
Спит и она. Что же мне пожелать ей?
Можно понять, только глобус приблизь к глазам:
Это лишь часть того корабля, который
Нас потерял, да, впрочем, не выплыл сам.
Так и плывем во все стороны света и моря.
Я не один такой говорю ни с кем,
Все мы бежим с корабля и гребем без толку,
Каждый из нас привязан к своей доске,
Каждый из нас гражданин своего осколка.
Что еще ждать, если вся королевская рать
Нас не смогла собрать по частям и людям.
Так и не знаю, что же ей пожелать.
Может быть, стоит просто сказать «да будет...»?

* * *

Ах какие струны звучат низами
Как легко скрипач отдает поклон
Если кто когда и придет за нами
Хорошо бы он
Чтоб ни гром ни каменное пожатье
А Сен-Санс и скрипки вода вода
Громче звук да веки плотнее сжать бы
И опять туда
Где ни разделений ни расстояний
Знай дыши и слушай лети лети
Мы подобны рыбам морским мы сами
Призраки сети
А иначе дождь середина мая
Огляди свой дом опусти глаза
Ни сети ни моря я тварь земная
Дольняя лоза
Все окно да книга экран да кофе
Рейсы да билеты и взор не прячь
Протирай очки да печатай строфы
Расскажи скрипач
Что в краю иной и высокой прозы
Где с лихвой твоей и моей вины
Мы судимы рондо каприччиозо
И ничем иным

* * *

Белый свет станет белым к концу декабря.
Белый свет на твоей стороне, несмотря
На свою и твою осторожность в сближенье.
Подпусти его ближе — на том рубеже ли,
На другом — будет счастье, и будет борьба,
Будет времени биться живая игла,

Будет спор и покой, будет мирное пламя
За широким окном у двойного стекла.
Обернешься — а мир не громада над нами,
А союзник и преданный спутник; тогда
Жизнь вздохнет, жизнь качнет провода: «вот и эта
Перестала бояться изгибов сюжета»,
И завалит замерзшей водой города.
Белый свет будет бел, будет светел рассвет
Над землей. Поглядишь — за окном первый след.
По глубоким снегам, неуклонно белея,
Прошуршит пешеход, и представится время
Наименьшей и наидлиннейшей из бед.

Кирилл Алейников

РФ

д и п л о м а н т

Камчатское поле

Как ты угрюмо, поле! Снеговито
Лежишь без направленья и ума.
Лицо твоё скуластое, испитое
Завьюжила несметная зима.
Приземистый сереброшкурый ветер!
Кого учуял в россыпях следов?
Прошла ли рысь наперерез рассвету?
Иль россомаха пропушила вдоль?
Зачем ты, поле? Что в тебе родится?
Какого разнотравья дикий сор?
Ты пустырей и пустошей столица,
Нетронутая гибельной косой.
Но по траве прошел зимы рубанок:
Осталась от лиственных похорон
Хрустящая беленая бумага
Вся в знаках препинания ворон.
И вызрело безмолвием пространство...
Налился день поспевшей тишиной.
Ты прячешь, поле, в рвани оборванца
Озноб земли застуженной, глухой.
Камчатское оснеженное поле!
Распахнут настежь полушубок твой

И треплет ветер травяные полы
Мне горло забивая шелухой.
Стынет день над заснеженным полем
Отколовшейся глыбою льда.
Мертвых елей корявые кольца
Оцепили продроглую даль.
Ни шахмы*, ни пути, ни распутья,
Лишь порожний простор да голынь.
Зябло кутаясь в листьев лоскутья
Бьет поклоны старуха — полынь.
Холод вкрадчив. Снега нелюдимы.
Исчезая в пространстве пустом
Он шагает в зимы сердцевину
С перекошенным песнею ртом.
Вязнет песня, хрипит, не поется:
Пилит горло беззубой пилой.
В ледовитой тиши раздается
Каторжанский немолкнущий вой
И летит в помутненное небо
Где расправила крылья беда...
Смерть идет в хлопьях свежего снега
И в зрачках замерзает вода.

Художник

Ассоль Сас

Горлом пересохшего колодца
Хлынул сумрак на твою ладонь.
Не художник ты — канатоходец
Между светом и крошечной тьмой.
Растеклась — расплавленной ночью —
Тушь по белой мякоти листа.

* Шахма — след, колея, накат.

Не рисуешь ты — наводишь порчу,
Ворожишь, бумагу распластав.
Слышишь ли ты Музы шаг летящий?
Черный цвет, как Зверь, неукротим.
Оттого ли криком леденящим,
Полнятся глаза твоих картин?
Жесткой, старой кисти поступь волчья,
Вдохновенья заметный след...
Почерк ночи груб и неразборчив —
Наизнанку вывернутый свет.

Саломея

Меха и платье смяты... Вечер.
Твой взгляд — ветхозаветной тьмы
И недоверчивые плечи —
Непререкаемо горды.
Вздохнули волосы протяжно,
Их разметало, размело,
И с плеч сползли неловко, тяжело,
Как перебитое крыло.
Какая слаженная сила
В противоборстве наших губ!
Мы их, как чаши, подносили
И, не сговариваясь, вдруг,
Края навстречу наклоняли...
Тогда соткалась гуще мгла
И зазмеилась — у окна ли?
Нет — за крошечным льдом окна.
Звезд перепуганная стая,
Внизу — теней резной излом...
Тела в ночи переплетались
Нерасшифрованным письмом:
Пророчества, предназначенья,
Изображенья верениц

Рабов, ведомых на закланье,
Всех имена: царей, цариц...
Верблюды, пленных караваны...
Все — через тьмы и времена
Тянулись шествием туманным
Из ниоткуда — в никуда.
Твоя душа — душа пустыни.
Как раскаленный снег — пески
На дне зрачков Твоих застыли...
Они мне кажутся узки...
Они сужаются... — и змеи
Твоих расхристанных волос
Шипят и вьются...
— Саломея! —
Тебя — познать мне довелось,
Тебя — испытать мне...
— Саломея! —
— На полумертвом языке
Тебя назвал я, леденя...
— Что утаила Ты в руке? —
Тьма заливает изголовье...
Вот поступь полночи слышна...
Покорно, с тяжестью воловьей,
Склонила голову луна.
Лишь угол спальни серебрится...
В нем тишина пустует и,
Как крыльями — морская птица —
Губами воздух охватив,
В которых задохнулось имя...
Бледна, покойна, тяжела,
На ложе, как на блюде, стынет
Отрезанная голова.

* * *

Ночь, как чаша, глуха, до последней планеты продрогла,
И комета огнем ледяным прожигает ей грудь.
Для кого эта ночь так пуста, одинока, огромна?
Кто посмеет в нее, как в чернила, перо обмакнуть?
Эта ночь — как Россия: в сомнениях, в пятнах помарок,
Несчастливая сказка с нелепым и страшным концом.
Кто же вывел Тебя, беспощадно скользя по бумаге
Черноклювым, талантливым, крови хлебнувшим пером?
Но спасибо за труд. Не поставить ли дерзкую точку?
Черновик наших судеб весь вымаран твердой рукой.
Почему же слова каторжанами тянутся в строчках
Несгибаемой, рваной, вцепившейся в стих чередой?
Так поэтов слова, утопая в снегах, вереницей
Все идут и идут в белоснежных полях глухоты
И безумие мира, сверкая, над ними глумится,
Заливая сияньем просторы людской мерзлоты.
Собирайся же в путь! Мы пойдем, спотыкаясь за ними —
Пара честных, негромких, простуженных в хрип, голосов.
Но скажи, как твое беспросветное русское имя,
Мой старатель страниц, мой искатель немыслимых слов?
Ночь, как терем, черна и ордою серебряной звезды
Молчаливо кружат, поджигая резные края...
Простирая огней перезрелые, грузные гроздья,
Ввысь по небу ползет, извиваясь лозою, заря.

Татьяна Иванова

Украина

д и п л о м а н т

* * *

Сколько тебе осталось тугих мостов,
Этих ночей бессонных, пустых дорог?
Каждый, кто вышел в путь — он уже готов.
Каждый, кто рядом с нами — немножко бог.
Сколько тебе осталось чужих степей,
Ласковых рук да в темное дно смотреть?
Каждый, вкусивший жизни — немножко зверь.
Каждый, узревший правду — немножко смерть.
Сколько тебе осталось лихих имен
Всё не помнить, кроясь от пустоты?
Каждый, кто будет сниться — немножко он.
Каждый, о ком споется — немножко ты.

* * *

Ты чувствуешь лист сквозь подушечки пальцев,
лучи — сквозь сплетение вен.
Ты знаешь: мир вечен. Тебе девятнадцать,
и нечего дать взамен
за всю эту вечность, и вышность, и грешность,
и город, на шпильях распятый.

За чудом расцветший у дома орешник
и в чае сушеную мяту.
И если расскажут: все тленно, все бrenно,
погаснешь, согревшись едва лишь,
и все станет прахом в огромной вселенной —
ты просто не верь. И не станешь

* * *

Я расплавленный шарик, лисица, печка.
Весь мой мир — в осколке слепой луны.
Если кто-то здесь и пребудет вечно,
то едва ли мы.
Так гори, огонь, и не знай пощады
ни душе, ни слову, ни серебру.
Если здесь тебе, как родному, рады —
не к добру.
Так что мчи, топи, и вкушай отравы.
Я огни на трассе, тугая плеть.
Если что-то тут и твое по праву —
только смерть.

* * *

И остаешься: рыбкой, бьющеюся в воде.
Будто оставлен кем-то, только не помнишь, где.
Будто от ветра рвется голос колоколов,
влиться в тебя стремятся сотни неожиданных слов.
И остаешься — камень, сплавленная слюда.
Глубже стремился, глубже... вот: над тобой — вода.
Завтра залякнет льдиной то, что сейчас течет.
Глубже — на дно, вестимо. Ну так чего еще?
И остаешься — веткой, сломленную со зла.
Запепелились листья, завтра и ты — зола.

Ветка, рыбешка, камень, ухнет в ночи сова,
завтра уже не станет...
И остаешься —
в словах.

* * *

С закрытыми глазами — прямо в цель.
Хорошая награда за безумье?
Так пей вино, и не считай потерь,
и называйся маленькой колдуньей.
Смеси, греси, твори локальный рай —
все будет, что бы ты ни попросила.
...И лучше никогда не вспоминай,
за что тебе досталась эта сила.

* * *

Черноглазый ворон, смертельно уставший бог,
чья душа до дыр изъедена февралем.
В мире столько темени, снега, вражды, дорог,
что легко забыть и слово такое — «дом».
Я впускаю тебя не ближе, чем на порог.
Лучше топлива нет, чем прошлые жечь потери.
Черноглазый ворон, уставший за зиму бог,
уйди скорей, а то я в тебя поверю.
Уйди скорей любой из своих дорог —
но дождем над полем, серым упавшим снегом,
черноглазый ворон, ветреный шалый бог —
я теперь, похоже, буду идти по следу.

* * *

Хищно-яркое небо трепещет,
задыхаясь от полчищ стрел.
Нет, мой мальчик, не будет легче.
А чего ты вообще хотел?
Нет, мой мальчик, ведь есть дорога.
Если хочешь, конечно, брось.
Попроси хорошего бога —
может, кинет собаке кость —
и получишь иные руны,
и лекарство от прежних ран.
Жизнь, мой мальчик — лишь ты и струны.
Ты же требуешь нотный стан,
а иные его рисуют.
Я не верю ни в ад, ни в рай.
Не проси, не ищи.
Рискуя,
ошибаясь, фальшивя, щурясь,
просто
играй.

Олег Коцарев

Україна

д и п л о м а н т

Близько 200 км

Між церквою, де хрестили мою мати,
І церквою, де хрестили мого батька, —
Близько 200 кілометрів,
Наповнених
Соснами під Богодуховом,
Паровозами у Смородиному
Та чорними полями Білопілья.
Вони з поїзда сходять у вечір,
І тато, не в змозі усьому всміхнутись,
Усе фотографує,
А мама, не змігши все сфотографувати,
Усміхається всьому.
Як дивовижно заходити в ці церкви!
Взагалі, як загадково заходити в православні церкви —
Де швидко балакають свічечки,
Де ікони у темряві мерехтять,
Священик нечутно зачиняє врата,
А промені вирують у невагомих кімнатах
Нагорі,
Де дивитися ніби не можна навмисне,
Щоб привернути увагу.
Ось вони тримають у теплих руках

Спокій світу,
Його скалок сталість,
Ось вони виходять із церкви
На зелену велосипедну вулицю,
І якщо зі свічками щось не так,
У храмі завжди
Є така жінка,
Котра запалить наново
Чи поставить як слід
Ці весняні медові
Деревця.

Концерт річища

Я — диригент ріки,
Широко
Пливу посередині вздовж берегів,
За кожним помахом
Моїх усе міцніших рук
Повороти прискорюються,
А водомірки
Вступають із партією
На срібних трикутниках.
Мій стрімкий концерт!
Моє річище!
Ти обираєш мене диригентом
Сьогодні
З-поміж усіх,
Що їх кров повна твоєї води,
Бо я найнеспокійніший,
Найшвидше дивлюсь
Навсібіч
І по-пе-ре-ком-бі-но-ву-ю
Різні пози.
Крізь стрічки теплої води

Та холодної
Я занурююся
Глибше,
До німого зілля,
Що вторує моїм жестам...
— Линуть крапки і хмари,
Й десь
Тут пливуть сліди потопельників:
Мого батька хрещеного,
До якого
Зазирають з поверхні чайки,
Когось інших людей
Когось коней,
З'їдених землистими раками,
З'їдених величезним сомом —
Гарним органістом,
Оргарністом.
Я виринаю назовні,
Щоб оркестр на мить завмер,
Щоби подих перехопило
Церкі й козі на кручі —
Вдячним слухачам нашим,
Компетентним поціновувачам.
Як же впирається мені в ноги
Весь цей огром води!
Як він несе мене —
Що без поспіху, що без зупинок,
Я підналяжу на праву руку,
Зустрінусь поглядом
З віолончелісткою —
І почнеться холодний дощ,
І почнеться дощ теплий.

Рояль Шимановського

Марті Собєшевській

«Byłem u Ciebie w te dni przedostatnie...»

Ц.К. Норвід, «Рояль Шопена»

Кашель біжить попереду, ніби веселий пес,
Вулицею сільською,
Нижче,
Нижче —
А ось і ставок
Із коричневою водою,
З кількома маленькими
Зеленими казочками латаття
Й чорними казочками гілок.
У відблисках
Вісімок полум'я
1918 року,
З дому Шимановських, що відбував
Свій остаточний фінал,
Вони витягли рояль —
Єдине ще не розграбоване —
На підводу запхали,
Звезли цією дорогою
Та втопили в ставку.
Чи скидали з кривої кладки?
Чи поволі зіштовхнули просто з берега?
Ні, мабуть, таки скидали —
Втратити темп того року
Означало: загинути.
Чому саме саме фортепіано?
Для чого їх конфісковували
По консерваторіях,
Викидали з композиторських вікон?
Намагалась відібрати в моєї прабабці

Кожна нова армія?
Не відібрали.
Лиш час обламав підсвічники,
Не змігши обламати роги,
А клавіші пожовтіли,
Мов від папірос революціонерів,
І ось коли кішка ними біжить
Чи мати грає — аж підспівує ваза
В сусідній кімнаті,
Чи батько бемкає, імітуючи
Композиторів XX століття,
Знаю,
В цей момент і в ставку далекому
Той інструмент,
Вже більш схожий на краба,
Теж пускає довкола хвилі,
Й поряд кістяки,
Втоплені десь за п'ятнадцять
Років
Після рояля,
Наслухають
Хвилі,
Іншим пущені світом і святом,
Кимсь приречені стерегти його,
Шурхотіти рибинками своїх хребців.
От їх би й розпитати про все.
Та відповідають на цьому ставку
Лише гуски.
А чи вірити їм — піди розбери.

Осінні діалекти

Ти мовичш, і в чужих краях
твій портрет виникає
на стінах, деревах, руках.

Я мовчу,
і на цьому березі
починають дерева
розмову барвами —
тисячами тисяч
діалектів осінніх,
усе помаранчевіших.
Ми мовчимо,
тільки гребля
скажено кидає воду вниз,
дивовижно вмючи
над цим хаосом
плести з неї
рівні косички.

Фольга і місяць

Києво-Печерська лавра вночі.
Фольга церковних бань
веде з місяцем
діалог напружений:
Питання: я знайшла гіпофіз спокуси;
що з ним чинити?
Відповідь: заварювати, як липовий чай.
Непомітно ворухаться
на будівлях
перлини неправильних форм,
спокійно вібрує
головний лаврський дзвін,
і в музиці його
та в відблисках полум'я
повільно танцює манекен хлопчика
з магазину, загиблого
у боях вуличних.
Крик нестерпний

з якогось вікна
огортає ціле подвір'я,
уриває бесіду місяця й фольги,
розриває жили —
ой, не хочеться гинути
в цій нічній красі —
та рятує від нього
незгірш від співу півня
спів першої лютневої
передсвітанкової
синиці:
«Це я! Це я!»
І край небесної мушлі мідії
над зеленим даху заломом
нарешті
починає знімати запону
своєї перламутровості.

Юлия Максимейко

Україна

д и п л о м а н т

* * *

Внезапная осень. Темнеет рано.
Под вечер хочется выть.
Стать безалаберным хулиганом.
Царём опавшей листвы.
Очнуться весной, и чтоб ни смерти,
ни страха, ни воронья,
ни поглощающей круговерти.
И чтобы другая я.

* * *

Я себя извлекаю из ржавой коробки,
из жестянки от съеденных залпом конфет,
из пасьянса прабабки, из карточной стопки,
где со мной по соседству бубновый валет.
Из землянки озлобившимся партизаном
выхожу, а снаружи — другая война.
Сапоги начищаю — и заново, заново,
Но теперь вместо пуль у меня семена.
Как змея, оставляя слинявшую кожу,
возрождаюсь из гнили, трухи и старья.

Только кто это, кто это, кто это, кто же?
Что, по-прежнему я? Да, по-прежнему я.

* * *

Мой нос поцарапан, а руки и вовсе — разбиты,
борясь за своё, я всё больше чужим дорожу.
На каждый гамбит заготовлены контргамбиты,
и каждая встреча овеена пафосом битвы
Я в этой борьбе — перевёрнутый на спину жук.
Завесою тёмной на город спускается вечер,
идёт по обочине, горбясь, в фуфайке старик —
он сам себя выдумал, сам же себя изувечил,
и сам же застучал себя с миллионом улик.
И нет ничего — ни двора, ни качелей, ни стройки,
ни ложки, ни битвы, ни их, ни меня, ни его,
мы были деталями в несовершенном устройстве,
но нет и устройства — вот это смешнее всего.

* * *

Мне в последнее время слышатся крики чаек,
так пронзительны и прекрасны холодным летом.
Будто море пытается, вспомнив, как было вначале,
все заполнить собой промежутки, лакуны, просветы.
В эти дни несмолкаемых страстных июльских ливней
так приятно вспомнить — в лучах бронзовела кожа,
мы вплавлялись в пляж, горизонт созерцая синий,
и ничто не терзало, не ело, и не тревожило.
Мы касались мизинцами, будто бы не нарочно,
мы дышали едва-едва, сливаясь с пейзажем.
В этих тёплых краях нагота не считалась пошлой,
в эти жаркие дни мы сгорали под солнцем живо.
А теперь полосуют жестокие грозы небо,

На промокшем балконе греемся пледом и чаем.
Счастье с нами, как прежде, и в запахе свежего хлеба,
и в дыханье знакомом, и в лужах, и в криках чаек.

* * *

Не тебе досталась младшая из сестёр,
видно больно уж ты на язык остёр.
И не рыцарь бесстрашный, и не мушкетёр,
и твой замок — не замок, а так — шатёр.
Да и средняя выскальзывает из рук.
Хоть глаза блестящи да стан упруг,
ей назначен заморский богатый супруг.
Так что, нет, мой друг, ни одной из двух.
Не печалься, смотри на меня, смотри,
нас ведь три, забыл, ненаглядный, три.

* * *

Перегорела. Простыла. Выстиралась.
Стали слова пустыми, выпренными.
Стали слова холостыми выстрелами.
А истина так и не вырисовалась.

Наталя Пасічник

Україна

д и п л о м а н т

Пастух бджіл

по звіриних слідах по надламаних стеблах
де піском догорає сухий деревій
кисло пахне повітря хитається гребля —
то бджолиний пастух доганяє свій рій
зблисне камінь на дні рій окреслить рівнину
і найглибша трава раптом стане нічим
той хто в неї впаде хто володар бджолиний —
з того питимуть мед видихатимуть Дим

* * *

жовта зграя комах під крихкою корою
пораховано соти позначено ціль
хоч сліди пастуха досі пахнуть травною
а таки безпомильно ведуть на зайців
з того боку дерев що пітніють під мохом
де в сльозі бурштиновій бджола не стиха
грудка попелу-пилу датована роком —
це загублена шапка її пастуха
сонце зблисне в очах що з'явилися нізвідки
і раптово пірне в їх тремку каламуть —

він прийшов пити мед в нього мокрі повіки
ліс густішає в темряві бджоли гудуть

* * *

повний місяць — тому і не спиться
у корі кровоточить стріла
там за річкою лігво левиці
що удень левеня привела
її кігтів напруга сталевя
аж німіє бурхлива вода
і худі голомозі дерева
розбігаються мов череда
хто тут здобич — йому вже не дивно
що горить під ногами земля
якщо маєш для них щось поживне —
омине тебе чаша сія

* * *

вдариш по хвилі і човен поверне тричі
тричі тебе покличу й змовчу так само
тричі сховаєш очі запалиш свічі
сплутавши віз чумацький із терезами
«тиждень» — мені говориш — а потім місяць
тягнеться справа співаю вину вино мов
голос — зоря опала — шукає місця
падає в небо і виринає знову
тричі по три — і не свічі горять а душі
чорна вода — прозора а смерть — безлика
бачиш он тіні блукають по морю й суші?
то дві ведмедиці бурі — мала й велика

* * *

під блакитною хвоєю снігу немає місця
стерто риси з обличчя вуздечка горить в руках
твої пси пригальмують почувши недобрі вісті
шерсть заб'ється у ніздрі зіниці освітять шлях
над тобою над ними зірка собача сіріус
голоси заблукалих скельця крихкі води
в забинтованій рані повільно вмирає вірус
сани ковзають сніг засипає від лап сліди
два оазиси світла — дві майже зникомі шиби
і дарма що минав їх — опинишся знову там
під прозорою кригою тихо куняють риби
лиш собаки не спатимуть доки ти їдеш сам

* * *

тінь між деревами синіх небес гобелен
лічиш звірят розглядаєш свої манускрипти
свічка горить та чи встигнеш усіх відмолити
зваживши лиш на сумну послідовність імен?
мавки й почвари заквалять під хвоєю — і
місяць осяє стривожено грудочки моху
йтимеш три ночі аж поки загубиш дорого
раптом спіткнувшись об кроки чийсь у пільмі
повінь печалі за душами сов і зайців
мокрих сердець їхніх майже не чутно у зливі
безвісті зниклий в пісках гімалайських масивів
ти не дізнаєшся хто з них таки уцілів.

Олексій Юрін

Україна

д и п л о м а н т

Банани

Банани їсти привселюдно — соромно,
Скажу Вам, гарна дівчино, у вічі,
Так, можна не приймати мою сторону,
До того ж — справа ця не чоловіча.
Я Вас не переконую, не силую:
Але років пройшло уже зі «стольник»,
Як Зігмунд Фройд усім казав про символи,
А чи бувають символи пристойні?
Я не вдаюся до психоаналізу,
Та не дражніть мої гормони й очі.
Удома зачиніть всі двері й жалюзі
І там робіть з бананами, що хочете.

Без ГМО

Що нас загнало у ярмо,
Без чого не проживемо?
Що дражнить очі, як більмо,
Коли їмо ми і п'ємо,
Коли за стіл і за кермо
Сідаємо?

Невже не знаєте? Come on...
Без чого всі ми помремо?
Без ГМО!

Вчені кажуть...

Вчені кажуть: «Кохання — це хімія»,
Хоч ніколи не згоден був з ними я,
Їхні докази бачив я кволими —
Та звалилась ти на мою голову.
Смак не мій (це ще так, м'яко кажучи)...
Як від серця мого ти знайшла ключі?!
І любити немає тебе за що,
Ані зовнішньо, ані внутрішньо.
Стерва, злюка скажена ти і змія
Та кохаю тебе до без тям я...
От за долю противну таку свою
Я зі школи ненавиджу хімію.

Поцілунки ПО-французьки

Зізнаюсь чесно: я Вас так любив,
Стояв, як рядовий, по стійці струнко
Я перед Вами, панночко, а Ви
Любили ті французькі поцілунки.
Здалися Вам вони, ну поясніть,
Невже не можна просто, так, по-людськи?
А... Франція — країна Ваших снів,
Тому, якщо кохання — то французьке.
Я був готовий стати Депард'є,
Делоном, Бельмондо і Д'артан'яном,
А Ви: «Та ну їх всіх! — і за своє, —
Я хочу лиш l'amour!» — й до мене п'яна.
Побачив очі та збагнув: з'їсте!

Втікав, як спринтер, аж блищали п'яти,
Так, діло небезпечне й непросте —
Вас на критичну відстань підпускати.

Амедео Модільяні

Ви так спокусливо лежали на канапі,
Кімнату вразив аромат Lacoste,
Я пив очима Вас, мов алкогольний напій,
А Ви пили мартіні. Так непросто
Стояти мовчки і дивитись, як парео
Сповзає з талії до ніг. Напевне,
Великий геній Модільяні Амедео
Писав би з Вас усі свої шедеври.
Увіковічити би Вас, а не патякать,
Та повний нуль я в цьому малюванні,
І я подумав: добре те, що я котяка,
А не великий Амедео Модільяні!

Тантрична люБОВ

Любов приходить як весна,
Буває радісна й сумна,
Любов у гори і до виру кличе.
Вона літає серед нас,
А нещодавно я дізнався,
Що є любов, — як там її? — тантрична.
Купила якось ти журнал,
А там була стаття одна,
Про те, що можна душами зливатись.
Передивилась Інтернет
І вже замучила мене —
Нічого не робитимеш сама ти!
Сказала так наприкінці:

«Нас відрізняє від ссавців
Душа, легка і біла, ніби вата.
Потрібні враження нові,
Одне у тебе в голові,
А треба і духовно розвиватись.»
Мені не дуже тантра ця,
Та бути схожим на ссавця
Я теж не хочу (ще кудлатим стану).
Відкинув я страхи усі,
Навпроти тебе хутко сів,
І стали ми чекати на нирвану.
Час рушив і пропав кудись,
Тепер сиди — не ворущись,
Ще б трохи — і завив би лютим вовком.
Бо я ж нормальний чоловік,
До ніжності й любові звик,
Просидів дві години, як на голках.
Не знаю, скільки ще пройшло,
Побачив Марс і НЛО,
Що ж, тантра — це не так вже і погано.
А потім я побачив рай...
Та раптом чую: «Ей, вставай!»
Ось так мене ти витягла з нирвани.

Павел Астров

Латвия

* * *

Проговори себя и стань собой,
мучительно зелёною травой,
стань той,
к которой все не прильнёт
ничья спина, ничей живот,
никто чужой.
Стань берегом, который не знаком
с веслом, нарушившим покой, потом
стань камнем, лёгким изнутри,
стань всем, препятствия дробя,
проговори, проговори себя.
Сон земляники, пение акации —
всё безымянное, чем дышит лес,
вне словарей, вне зрения, и без
потребности хоть как-то называться —
и это тоже ты, протяжный и живой.
Проговори себя и стань собой...

Сад

То ли взят в перекрестие, то ли распят,
и в прицеле мелькают багровые сны.
Все дороги ведут в нерасстрелянный сад,

где могилы не вырыты, но учтены.
Там калитка — ровесница казней и смут,
а за ней, на развалинах света,
утро песен заветных и новый приют.
И вокруг невесомые груши цветут
на прогнувшихся ветках.

Выбор

Однажды в зеркале ответит мне старик.
Он улыбнётся грустно и лукаво
И облик мой — каким лекалом
Измерит, словно черновик?
Я — глина в жарких пальцах времени.
Сейчас
Итог всей выплавки и не представлю:
Какой из миллионов Павлов
К нему придёт? Какой из нас?

Я ждал

Я ждал маршрутку. Может быть, любви,
а может быть, я ждал квадригу,
что явится с небес, лишь позови,
но ночь показывала фигу.
Мой взгляд скользил, вмерзая в забытьё,
на сваях натянулся крепко,
хоть вешай на него пейзаж-бельё,
зажав пернатою прищепкой.
Я огненных ждал колесниц, скрипя
хрустящим снегом у дороги.
А может быть, я просто ждал тебя —
двуокий. Но не одинокий.

Детство

Янтарный, чистый, сладкий свет.
Вокруг, искрясь, танцует утро, —
Незабываемый момент! —
Сплетаясь в утренние фрукты,
В обилие пузатых ваз,
Салатниц, соусниц, салфеток, —
Воистину здесь всё для нас! —
Здесь размножаются конфеты,
Всё ходят по столу, творя.
Идут направо — песнь заводят,
Налево — сказку говорят...
Их ем я, и во всей природе,
Во всей отчаянной судьбе
Уж торжествует сладость детства!
Живой травой колыбель —
Цветёт, густеет и смеётся.

Где радуги сплетаются, как змеи...

Где радуги сплетаются, как змеи,
Изнемогая и хмелея
От яда солнечных оков,
Душистый мрак шьет паутину
Волшебных мировых основ,
Найдешь меня, найдешь меня ты там.
Где горькая пыльца молитв — пылает,
Тропинки рая устилая
Многоголосой пеленой,
Блуждают люди — полульдины,
Мечтая обрести покой,
Найдешь меня, найдешь меня ты там.
Где фениксы прекрасны и безумны,
Целуют стынувший Везувий,

Огнем навек опьянены,
Надежды, сочные маслины,
Врастают косточками в сны,
Найдешь меня, найдешь меня ты там.
Где небо обретают водопады
И миг становится громадным,
Законы обращая вспять,
Все женщины и все мужчины
Родились, чтобы танцевать,
Найдешь меня, найдешь меня ты там.

Ірина Жарікова

Україна

Слова

Світ б'ється в істериці. Їде всесвітній дах!
І жадібно п'ються слова, як з пивної діжки.
Далеко до берега. Темна бридка вода.
Охоплює морок. Світла хоча би трішки.
Здіймається вихор. Несе на біду слова.
Мовчання — смертельна зброя, коли чекаєш...
Розмовна блокована оператором — ділова
вимова муштрує, вгамовує і чеканить.
Співставивши погляди, збившись з останніх ніг,
шукаєш слова. Не банальні, живі та влучні.
Та замість гармонії всесвіту — «ні» та «ні»
зі сходу та заходу. Пошепки, стисло, гучно...
Ніхто не зуміє таки(й) розгадати світ —
ні світло, ні темряву. Всюди свої нюанси.
Коли вже не знаєш, хто з ближніх чужий, хто свій,
і спроби втекти не дають ні одного шансу.
осередок
всередині доволі темно, милий
вологе скло чекає на світанок
як бруд чекає, щоб його відмили
шепоче вечір синіми вустами
про те, що хтось зумів-таки любити
про те, що світ не зовсім безнадійний
і сипле ніч з осінньої орбіти

прозріння сні в стурбовані години
на чорний дах вже листя опадає
траву прикрасить ранок сивиною
зростають десь довірливі адами
і зовсім поруч — небайдужі ної.
тож, все не так погано, милі друзі.
чому ж це вірші — у сумному дусі?..

* * *

Гудят самолёты, как вещие птицы столетий.
Роса умывает примятую душу старательно.
А завтра по плану война — начинается лето.
И пули июня цепляют мой май по касательной.
А завтра гроза.
Не чета гулким майским проказницам.
И видимость — ноль.
И деревья, цепляясь за воздух,
устанут качаться.
Казалось бы — не было разницы.
Но в планах войны по привычке — ранения, слёзы.
Гудят самолёты...

БЖ

Видно, ценится в небе пчелиный труд.
Революция. Каждый десятый — труп.
Затираются правды. Ботинки трут.
Не уловишь без тёрок, где фальшь, где truth.
Выливали бы воском грехи души.
Чтоб поменьше писалось. Люби. Дыши.
Искусав нецветные карандаши,
разменяв на любовь гроши.
Необъятная родина кличет вглубь.

Каждый так же умён, как и свято глуп.
И слетевшее слово с иссохших губ —
то молитва.
Ей-Богу!
Тебе — не лгу.
И телёнок, пасущийся на лугу —
символ мудрости, веры в небо,
где так ценится дружный май-данный строй,
где в отчаяньи мать — неродному: «стой!»,
где небесных героев считать по сто
начинают — удобно стало.
Где любовь проступает, как пот, из недр.
Где нет боли и малости больше нет.
Где молитвы ложатся на белый снег,
Обращаясь водою т а л о й.

* * *

Чеканит время разных грозных, грязных
простых людей, но вовсе не простых.
И рядит их в камзолы, рюши, рясы,
вручая им меню, молитву, стих...
Уходит мир из разума и сердца,
стареет мать, дряхлеют города.
И в моду входят балаклавы, берцы,
как в зарубежье входит Кара-Даг...
Чеканит время медные монеты,
с узорами на вкус любой и цвет.
И продаются люди и сонеты
от года к году — сотни тысяч лет...

Книжкове

Чудернацьким дитячим казкам
вороття немає.
Їх ввібрала у себе чорнюща сумна діра.
Помарніли слова і малюнки, крихкі емалі
неминуче і хижо час втомлений обдирав...
Ніби вчора ти був школярем
і читав букварик,
осягнути весь світ намагався,
такий простий...
А сьогодні
дружина/начальник/кондуктор — сварять.
І ніхто — жоден з них! —
не говорить за те «прости».
Щось знаходимо,
губимо щось у важкі хвилини.
Випробовує нас на міцність життя щораз...
Та в задумливім небі
зірки мерехтять гостинно
і пояснюють більше, ніж Біблія та Коран.

Канат Канака

Казахстан

* * *

Прошла зима, и полегчало саду.
Наладилось на сердце, улеглось.
Я, как всегда, за рукописи сяду
или за книгой, дочитать балладу.
Собака с кошкой покидают пост.
Ночь за окном моим уж на исходе,
а я сижу и не могу писать,
иль почерк мой тетради не угоден.
Любой другой насочинять свободен
о чем угодно: про любовь, про сад.
И только я не знаю, не умею,
писать, как пишут сверстники мои.
Но с Музою, о, что мне делать с нею,
она забыла про мои стихи.
Покинула, отбыла, улетела.
Куда? — к кому? — надолго ли? — когда...
Хотя какое до нее мне дело.
Мне это все давно осточертело.
Скажи, читатель, горе — не беда.
Недавно было, хоронили деда
односельчане. На похоронах
соседи шли, чтоб проводить соседа
в последний путь. Его безгрешный прах
теперь лежит на кладбище деревни.

Я помню, как с поминок люди шли,
мужчины молча, женщины ревели,
молился ль кто за упокой души?!
Он жил один на улице соседней.
Мне говорили, у него был сын,
дед сына ждал до дней своих последних,
что он вернется, цел и невредим.
А было так, однажды к ним в деревню
наведался из области весной
сам военком, пуская сигаретный
из носа дым, невыносимо злой.
Увез на службу мальчиков деревни,
от их родимой оторвал глуши.
Не провожали, у себя сидели
мужчины молча, женщины ревели
и волосы на голове седали.
А мальчики в последний бой ушли.
Покойному хотелось видеть сына,
он сына звал, просил его позвать.
Покойному мерещилась могила,
кричал в бреду, что бабка приходила
и говорила, что придет забрать.
В полубреду покойный возмущался,
и власть бранил и клял за то судьбу,
что не добился правды от начальства,
ни тело сына в цинковом гробу...
Так и ушел. Так люди говорили:
— Так и ушел — качая головой.
Так я пишу в своем нелепом стиле,
не ведая, что дальше за строфой.
Ноябрь надоел и опостылел...
Смотри, читатель, осень в одиночку
в который раз я на себе влачу.
Ночь на исходе. Стало быть, мне точку
поставить надо и задуть свечу.

* * *

Какую рану нанесу
бумаге рифмою и слогом?
Я роюсь в слове, как в лесу,
как что ли мышь, что роет норы.
Ночь во дворе, а стало быть,
пора под строгим взором музыки
писать, вычёркивать, корпеть.
Всё, что пишу, бросаю в мусор.
Такая мука сочинять,
какое, Господи, блаженство
писать стихи, марать тетрадь
занятым сложным, бесполезным.
Я знаю дыма без огня
не может быть. В такую осень:
— Хьан гулакхаш муха ду? — меня,
пусть на чеченском кто-то спросит.
Но слово не имеет власть,
и рифма бьёт в живот коленом.
Люблю я горы и Кавказ,
где и плутает юный демон.
Покинув родину и дом,
устав от утвари и грязи,
мы все когда-нибудь уснём
и очутимся на Кавказе.
Как тихо падает листва,
где горы высятся, равнины
лежат. Цвети нохчийн латта
под звуки музыки старинной.
Теряя ровный мыслей ход,
пишу, глумясь, витиевато.
Язык чечен сунна дик ца хоь.
Что ж ставлю точку, где не надо.

* * *

«Зрачок луною отвлечённый
свой позабудет труд и долг».
Мой кот, по имени Печорин,
снёс месяц май и превозмог.
И только я, и моя лампа,
что не напишем, не соврём,
сидим в углу — так нам и надо —
бодаясь с толстым словарём.
«Чудес на свете не бывает... —
читатель скажет». Так и есть.
Жару и ночь одолевая
пишу. Но некому прочесть.
Как хорошо у Пастернака:
прекрасен звук, не дурен слог.
Зачем лохматая собака,
чей дух озяб и занемог,
лежит у ног. Её хозяин
уехал в город на два дня.
Собака добрая, не злая,
печально смотрит на меня.
Строкой, луной отягощённый
зрачок слезой вооружён.
Собаку жалко мне Печорин.
Я знаю, что ума лишён.
Избранник рифмы ново избран.
Как нареку — не нареку.
Слог не замазан, не прилизан.
В наряды облачу строку.
Строка и слог — не суть предмета.
«Стогар летта бу...» — на языке
чечен пишу, как есть. Нелепо?
Пусть так. Но не во вред строке.
Разучивая речь чеченцев,
я до того извёл язык,

что не выдерживало сердце...
Язык чечен, как острый клык.
Смешав два языка, в итоге
узрел единственную связь,
как оба языка жестоки,
как оба не выносят власть.
Я брошу зренье на окрестность
Урус-Мартана, на село...
Пишу на языке чеченском:
«Нохчий кешнашкахь дIа йол со».
Кому покажется, что дико
пишу. Но воля такова.
Язык не тара, не копилка,
чтобы копить на нём слова.
«А ты спросить бы потрудились,
что привело меня сюда.
Обжить язык не получилось.
Я всё равно люблю тебя!
Мои намеренья известны.
Не стану боле утомлять.
Мне братья гордые чеченцы.
И ты не мачеха, а мать!»
Несходства слог приврёт, поправит.
Строка власть на себя возьмёт.
Язык сегодня не лукавит.
Лишь чтец по-своему поймёт.
Кот дрыхнет. Спит у ног собака.
Угрозы слышатся в ночи.
«Кехат» перевожу бумага,
листок на языке нохчи.
Печётся об осиротевшей
собаке и коте зрачок.
Читатель — критик и болельщик
стихотворенье не прочтёт.
Пав на стихи что он увидит?
Воображаемый герой

не грамотен и прост, обыден.
Второстепенна его роль.
Часы бьют ровно шесть. Светает.
И лампу надобно гасить.
Читатель спит или скучает? —
не позаботился спросить.

Кавказец

Он объяснял, что он такого года
рождения, по матери абхаз,
а по отцу грузин. — Что тут такого,
что я грузин? — негодовал Алхас.
Он рассуждал, как будто вёл сраженье
со мной, причём на воздухе, летя.
Дивился я его происхожденью,
как чуду удивляется дитя.
Кем он мне был, знать было мне откуда?!
В его лице я видел Гудермес,
он говорил, что родом он оттуда,
но не сказал, как очутился здесь.
Кем он мне был? Он мог бы быть мне братом
и он им был. И брат мой был богат
одной душой огромной, необъятной.
Как мне тебя тут не хватает брат!
В его крови Абхазия плутала,
и бунтовала Грузия, плыла.
В его крови Абхазия пылала,
и Грузия свои бои вела.
Он сохранил в себе черты Кавказа.
Теперь, когда его со мною нет,
я вижу, что он пишет, ищет фразу,
в которой так нуждается поэт.
Писать стихи — его перо свободно
и мне не надо боле ничего.

Он говорил, что девочка — «тогона»,
он говорил, что девушка — «гого».
Так он учил в свободные мгновенья
грузинскому меня ученика.
Он мне читал свои стихотворенья.
Так я постиг уроки языка!
Я полюбил язык и речь грузина
и с обожаньем стал следить за тем,
как меж собой общаются грузины,
как ни один из нас, нигде, ни с кем.
Он говорил, что родина — «самшобло»,
он говорил, что женщина — «кали».
Я мучил свой язык и мучил горло,
когда читал грузинские стихи.
Он был не злым и скаредой на слово
не слыл. Писал стихи. Любил собак.
Когда не шли стихи, ходил (злословил)
по комнате и не щадил табак.
В такие дни он был серьёзным, строгим,
его другие языки влекли.
Не по его ль вине вот в эти строки,
его черты характера легли?!
Он пояснял, что карандаш — «панкари»,
он повторял, что улица — «куча».
И я писал, что «биты» — это парень
и что «сантели» — это есть свеча.
Так я учил язык невероятный,
который обожаю и люблю.
Но где же ты, мой брат, мой несравненный?
Кому я эти строки подарю?
Где б не был ты, в Абхазии соседской,
иль в Грузии, не менее родной,
люби, ревнуй, бунтуй, ликуй и бедствуй,
но будь же здоров и цел, и будь живой.

Александр Лукьяненко

Украина

Влюблённые

Пенится молочно
Тоненький ковыль,
Плачет еженощно
Во степную пыль,
Взором окунаясь
В неба глубину,
Отыскать пытаюсь
Звёздочку одну,
Ту, ради которой
На кургана высь
За весною скорой
Травы взобрались.
И, влюбившись в звёзды,
Полня чувство грудь,
Из пуховых гроздьев
Стелют млечный путь.

Небом зацелованный

Майская метелица
Заметает сад,
Как пороша, стелется
Белый цветопад.

Заплутавшим инеем
Снежных лепестков
Небо сизо-синее
Сад закрыть готов.
Крыльями лебяжьими
Ветры обуздав,
Вишни белой пряжею
На покой отав,
Будто намелованы,
Сыплются с выси,
Словно зацелованы
Небом на Руси.

* * *

Уходят дни, не ведая возврата,
В осенней вьюге плачет старый сад
И осыпает листья виновато,
Как будто время не вернуть назад.
Но на скрижалях неба золотится
Его вопросам знаемый ответ:
«К нему с весной, как прежде, возвратится
И птичий звон, и белоснежный цвет».
Уходят дни, как будто без возврата,
И, кажется, что не вернуть назад
Ни ласки рук, ни ласкового взгляда,
И даже слов, звучавших невпопад.
Но на скрижалях сердца золотится
Закон Любви, подаренный судьбе:
«Тогда лишь всё с тобою повторится,
Когда весны захочется тебе...»

* * *

Чёрной плащаницею
Грузный неба свод
Землю круглолицую
Прячет от невзгод,
Просит небо рощица:
«Ты меня не прячь!...»
Только небо морщится:
«Норов мой горяч...
Заревную в натиске,
Грозами кропя,
Но потом по-княжески
Одарю тебя:
Молодою радугой
Из-под серых туч
Драгоценной патокой
Выльюсь в лоно круч...»

Круги на воде

По воде круги поплыли,
Словно в танце закружили
Их ветра.
О зелёный берег бьются,
Откружат — и расстаются, —
Им пора.
Разошлись — и нет возврата.
И не речка виновата —
Век их мал.
Разбежались, растворились,
Будто вовсе не кружились...
Вот финал...
Кто-то воды потревожит
И вернуть их к жизни сможет,

Миг лишь дав.
И они опять проснутся,
Заколышутся, забудутся,
Жизнь познав.
Как круги, мы без возврата
Всё расходимся куда-то
Без «прощай».
Ждём, что кто-то нас услышит,
Мысли-воды поколышет
Невзначай.
На мгновенье загоримся,
Ну а после — разлетимся —
Кто куда.
Вряд ли кто-то камень бросит,
Позабудет и не спросит,
Напрочь память заморозит...
Но спокойная не просит
Их вода...

Ірина Мельник

Україна

Пам'ятаєш?!

Бувають так мовчанням настояні дні,
що з асфальту виростають люди.
Був колись такий день.
Ми прокинулись разом з землею,
Ти називав мене сентиментальною революцією,
Я називала тебе світлим героєм.
Я тихо боялась за тебе,
Ти за мене стояв стіною,
Я носила тобі каву,
А ти мені — мед із водою
живою
для тіла
і квіти з асфальту.
Кулі, мов оси дзижчали у вухах,
У серці шевченкокраїни.
Пам'ятаєш: хтось рюмсає,
Хтось голосить,
Капає дощ із ринв твоєї куртки,
Падають люди — то падав хліб —
І гупали, ніби гопак танцювали,
Аж будинки здригались,
Так, що ми прокидались,
І знову, і знову не спали.
Ми пили соломинками море,

Ми рибу топтали гнилу з голови,
Ми жували брудну бруківку,
Я малювала музеї,
Ти насаджав сквери...
Знаєш, цей аромат незбагнений,
Цей аромат незалежний,
Їдкий та свободний
Лиш той не зможе забути, хто мовчати не вміє.

Донечці Ірині

Ти народжуєшся у моїх очах,
Ходиш мені по руках, по щоках,
По садах яблуневих із кошичком,
По річках у жмені, збираючи рибоньки,
Відлітаєш у вирій із кленами,
Проростаєш із мене калиною...
Ти рятуєш від пороку серця,
Вариш липу й ховаєш від кашлю,
Від сухого хрипкого голосу,
Наливаєш у мене дитинності,
Меду, миру і трохи відчаю...
І немає більшої радості в світі цім,
Аніж коли колискову наспівуєш,
Як із дому мене проводжаючи,
Гаряче так обціловуєш
У магазин, як у вічність — назавше...
Звідки ж виросло — з раю чи ирію?
Де розлуки вмістились мої у тобі?
А де милість знайшла в тобі силу,
Щоб ніколи не покинути мене?
Скільки часу ти знала мене до народження,
А бюро обдзвонила й вокзали всі —
Скільки?
Повернулась до мене на старості,

Щоб простить за розлуки і відстані,
За невимість колисати тебе біля серця,
Моє малинове маленя маленюсеньке.

Вишневі сади твоїх слів

Я маленький бездомний, безлюдний солдат,
Так старанно ховаю себе у шинель,
Так безстрашно дивлюсь із-за спідниці на бій,
Твою спину і шию вдихаю беззвучно...
Я боюся... Пробач, я боюся.
Але ж чуєш як сила і слава, і дума,
І пісня, і воля в мені виринає?!
Нудно-прикро, що жаль уміщається й біль у мені,
Та вміщається й радість,
І зелені, і сірі, і сині птахи яснокрилі,
І жовто-блакитна любов,
І чорні моря твоїх сліз,
І вишневі сади твоїх слів...
Як виросту — буду як ти, як тополя —
Високим безстрашним безликим солдатом,
Таким, щоб вмістилося Рівне, і Харків,
І донька, і син, і ще син — неодмінно,
Вишневий садок, яблуневий, вишневий звичайно...
І хоч я боюся —
В душі я маленький безликий солдат,
Не дуже безстрашний, ще менше бездонний —
Весною встаю із тобою травою,
І дітям своїм українським
купую безсмертний «Кобзар».

Кожен з нас — поет

Наші руки по лікті обтяжені осінню й степом,
Наші стегна риплять, а птахи заливаються співом,
Як людина німіє — від неї вже пахне поетом,
Як немає дітей, то з нас родяться квіти і диво.
Всім дістався врожай, ну а нам за гріхи — на горіхи,
Всім синиця в руках, всі танцюють під соло сопілки,
Вільний джаз не для нас, ми козацькі бездомні каліки,
Ми поети німі, з порцеляни розбиті тарілки.

Перебудемо, Рідна

Все над нами летять розцяцьковані будні та люди,
Ти мене піднімаєш, щоб я їх торкнулась прощально,
Ти мене обіймаєш, щоб я не летіла в нікуди,
І які там Парижі та Києви людно-печальні.
Перебудемо, рідна, ми разом усе переждемо,
Перев'яжемо рани і вікна, і будні собою.
І які там розлуки: ми разом — коли ми окремо,
І страшніше війни — коли мама стає сиротою.

Роман Новарро

Латвия

* * *

Я помню — мальчишкой бегу по зелёному склону,
Вспоённый свободой, как будто Кастальским ключом,
Я помню про кудри, что я преподнёс Аполлону,
И помню, как двигал утёс над отцовым мечом,
Я помню, как мать на прощанье целует мне темя
И как покидаю с тоскою родные леса,
Я помню, что бремя героя — тягчайшее бремя,
И помню, что надо, что надо менять паруса.

Я помню — сестрам по серьгам, а прокрустам — по ложу,
Я помню, как рвался Синид и как выл Перифет,
И помню, как думал Скирон, что он хитростью сможет
Отсрочить своё воздаянье на несколько лет.
Карающей дланью пройдя по дорогам Эллады,
Следил, чтоб уродство души побеждала краса,
Я чуял, я думал, я знал и я верил — так надо!
Надеждою страх замещая, менял паруса!

Я помню коварство Медеи и гнев паллантидов
И помню, как яд миновал и как меч — миновал,
Как стал для Афин я надёжной и прочной эгидой
И снова — Скирона, летящего в пенный провал...
Да, пена... Я помню, как волны рвут снасти у лодки,
Как блещут на солнце невольных гребцов телеса,

И как я кричу, не жалея просоленной глотки,
Что скоро, уж скоро, нам скоро менять паруса!

Я помню злорадство и дерзость царя-диогена,
Глаза Ариадны в последний, пронзительный миг,
Удушливый, гнилостный запах подземного плена
И мох на развилках, и каждый зловонный тупик.
Я помню, как вбил свой клинок под ребро людоеду,
Критянского принца вспоров, как докучного пса,
Как сердце рвалось из груди с криком: «Папа! Я еду!»...
Я что-то забыл... Я забыл поменять паруса!!!

Празднество

А на улицах снова празднество,
Крики пьяные, реки пенные
И вселенная снова дразнится,
Едко дразнится вся вселенная!

А на улицах — блеск сияющих
Фейерверков — все небо вспорото,
Я ж по городу лишь тебя ищу,
Лишь тебя в людном чреве города!

Как Иона внутри кита, я сам
От неона слепой и бешеный.
В чувствах смешанных я скитаюсь,
Я беспомощен, как помешанный!

Словно можешь ты чудом тут, средь масс
Быть людских, по веленью щучьему,
Я ищу тебя в этот поздний час,
Как и каждый час, я ищу тебя!

Все труднее мне фокусировать
Взор, плохим алкоголем суженный,

Но ищу тебя, в этом мире ведь,
В целом мире ведь ты мне сужена!

Я найду тебя среди ряженных,
Ты простишь меня, безобразника
И все праздники станут важными
И не будет неважных праздников!

Демигод

Боги превращаются в песок,
Боги истончаются без веры,
Боги прекращаются. Висок
Сдавливает бремя этой меры
И плюют отравой химеры,
Но тебе не страшен этот сок.

Люди обращаются к богам,
Люди обращаются богами.
На Олимпе снова шум и гам:
Жили дружно — вознеслись врагами...
...минотавры — жертвы полигамий —
Удивляться бросили рогам.

Время умаляет людям век,
Люди мстят — и убивают время.
Полубог ли, получеловек —
Полнится с годами полубремя,
Что несёшь ты. Высеребрят темя
Тот, кого Блудливец Вышний сверг.

Ураниды вышли на войну,
Боги принимают смерть от рук их
И никто уже, как в старину,
Не возьмёт героя на поруки...

...В Тартаре гуляет смех Сторуких:
«Мать его ж ехидну! Ну и ну!»...

Минули века афинских сов
И баранов рунозолочённых,
Девственных пророчиц голосов
И садов висячих утончённых...
...В безвременье Кронос заключённый
Отворяет медленно засов...

Сгинул Рим в горнилице войны,
Карфаген разрушен, пала Троя,
Но в одном ещё соблюдены
Мироздания хрупкие устои:
Снова за богов встают герои...
...Снова
За отцов

Встают
Сыны!..

Городу-пеклу посвящается

Этот город сжигает тебя дотла,
Как котла утроба — его нутро
И горячим смерчем по дну котла
Жар и смрад в лицо — и вскипает кровь!

Этот город вбивает в тебя столбы
И вонзает иглы стеклянных брызг.
Он ликует, слыша твои мольбы,
Самодурством собственным пьяный вдрызг.

Этот город песочит тебе лицо
Душной пылью, жмёт лабиринтом стен,
И сверкает ярким с небес венцом
Аполлон Зевесович Пироген.

Этот город сминает тебя огнём
Чтобы ты в оплаве асфальта вяз,
Каждым камнем шепчет: «Спалим! Сognём!» —
Сам себе возгордившийся Бог и князь.

Этот город задушит в тебе тебя,
Забиваясь в лёгкие — каждый вздох
Станет им — по-своему тебя любя,
Он мечтает, жаждет, чтоб ты издох,

И тогда-то, заполнив тебя собой,
Он поймёт, зачем ты не падал — жил,
И отхлынет жаркий его прибой
От других повстанцев бетонных жил...

Sincero

Моей Благорождённой посвящается
я

Когда вечер из воздуха вешнего выпьет тепло,
И подобен закат в чашу неба излитому грогу,
Вспомни имя моё — всем столетьям, заклатьям назло
И меня призови к своему смолянному порогу.

Когда песню скупую свою запоют тростники,
И исполнятся сумерки запахом розы и мяты,
Вспомни имя моё — всем запретам, табу вопреки
И впусти меня тенью в свои расписные палаты.

Призови меня охрой и солью, землёй и огнём,
Аккуратно смешай непривычные ингредиенты,
На границе мужающей ночи с дряхлеющим днём
Дай в истоме застыть, упиваясь блаженным моментом.

Я вползу к тебе, кожей пятнистой по праху шурша,
Я примчусь к тебе свистом стрелы, разорвавшей туманы,
И — глазами в глаза — не моргая, без слов, не дыша,
И останусь с тобою, своим искуплением пьяный.

Но кактолько с небес изольётся на ставни окон
Жгучий мёд первозданного, вечно немого светила,
Я обязан уйти — ты сама начертала закон
На скрижалях времён — и сама нарушать запретила.

Я безмолвен и гол стану снова, в росе растворюсь,
Снова буду страдать, изъязвляемый солнечным богом,
Пока вечер под брюхом моим раскалённую грязь
Не остудит, и снова закат не расплещется грогом...

Олег Озарянин

Украина

* * *

Едва душа увязнет в мелочах,
Под ватой дней притихнет, цепenea —
Прозрачных крыльев слышу лёгкий взмах,
Танцующая в солнечных лучах,
Мне во спасенье, прилетает фея.
Благоволят певцам на небесах —
Свою ладонь подставив осторожно,
Я слушаю о сказочных мирах,
Об островах, затерянных в морях,
Её балуя крошками пирожных.
Пусть нашей встречи нет в календарях,
Да только верю — поздно или рано,
Тончайших крылышек услышу взмах и — Ах! —
Я вместе с ней, на серых журавлях,
Отправлюсь вдаль, в диковинные страны.
А в тех краях не существует страх,
Там день-деньской всё музыка да танцы,
И будь ты там монах или монарх,
За долгий век не встретишь слёз в глазах,
И ни за что не станешь возвращаться...

* * *

Я приходил туда по четвергам,
Ну, иногда, ввиду накладок, в среду.
Скупой парадной коммунальный гам
Как хитрый лис, цинично шёл по следу
Моих и без того дрожащих ног,
До той двери, обитой дерматином,
Где всякий раз ступая на порог,
Я мнил себя отъявленным кретином
И истерил, как юный пионер
По поводу вступления в комсомольцы.
Сей странный и нелепый адюльтер
Был в тягость мне. Пуская дыма кольца,
Хозяйка восседала у стола.
Дешёвое бельё под тонкой блузой.
— А я тебя уже и не ждала,
Ты ж занятой, а я тебе обузой...
Я обрывал докучный разговор
Посредством неуместных поцелуев.
И затихал пытливый, серый двор
Под тем окном, где час напропалую
Она, как Як на взлётной полосе,
С неутолимой жаждой экстраверта,
В свой дикий рёв вобрав регистры все,
Всему двору расшатывала нервы...
Но всё кончалось. — Ты меня прости,
Что получилось всё немножко громко...
Я высыпал монеты из горсти: —
Возьми на сигареты и колготки...
Глаза слезами застилала грусть: —
Теперь уйди... и... я не продаюсь...

Околесица

На отшибе, в старой хате с шаткой лестницей,
Проживала худо-бедно околесица.
Вместе с ней родня жила, от вас не скрою —
Дед маразм с женой своей — белибердою,
Да ещё её сестра — галиматья,
Да — абсурд и вздор — ворчливые зятья.
А с зятьями, как годится, муж есть муж,
Жили жёны, им по нраву — блажь да чушь.
Во дворе её резвилась детвора —
Глупость, ересь, чепуховина, мура,
Дичь, нелепость, ахинея, дребедень,
Ерундистика, бредятина и лень,
Тарабарщина, нескладица, фигня —
Околесица мрачней день ото дня...
Трудно сладить ей с нелепою роднёй,
Захотелось жизни праведной, иной.
Околесица, с опущенным хвостом,
Попросилась жить в правительственный дом.
Видит — больно уж у слуг народа рожи,
На её родню в анфас и профиль схожи.
Отворились перед нею ворота,
В коллектив она с почётом принята.
В доме том, с тех пор, во всю чудной народ
Беспрестанно околесицу несёт.
Глотки рвут, дерутся, врут, воруют, бесятся —
Расцвела там и окрепла околесица.
Свято место не бывает пусто — тут
Вся родня её теперь найдёт приют.

Майдановский блаженный

Вокруг него воюют и буянят,
Поют, смеются, плачут невольно...
А он сидит на сумрачном майдане,
И к небу обращает чистый взгляд.
Горят костры, бойцы стоят стеною,
Летят гранаты с четырёх сторон...
А он сидит, торжественно спокоен,
Как будто в сон приятный погружён.
Кругом орут: «Стреляйте! Не жалейте!»
И виден сквозь огонь кровавый след...
Его рука покоится на флейте,
И в рясу почему-то он одет.
Он шепчет: «Бог, Твои деянья дивны!»
И вновь молчит в смиренности благой...
На флейте он, порой, играет гимны,
Да ведь никто не слушает его.
Беснуется толпа: «Свободы! Хлеба!»
На лицах — от огней зловещий свет...
А он сидит, с улыбкой смотрит в небо,
И небо улыбается в ответ.

* * *

Ещё одна закончилась зима.
Уже земля от савана раздета.
Уже в полях проглядывает лето,
Сулящее подножные корма.
Кипит азартом бурная река,
Набравшись свежей крови половодья.
И всё быстрее в воздухе молотят
Размашистые лапы ветряка.
Щемящее дыханье новизны
Повсюду ощущается так остро —

В берёзовых серёжках грациозных,
Побегах мягких молодой сосны.
И даль вокруг прозрачна и чиста.
И столько новой музыки в природе,
Что начинаешь верить — вот, сегодня,
Вся жизнь начнётся с белого листа.

Олена Рибка

Україна

* * *

...І ці кораблі, навантажені страхом і зрадою,
Спускаються тихо й поважно, лиш зуби скрегочуть.
У товщі води розчиняється присмерк Європи,
І цілий народ — у небесному автостопі
Здіймає долоні, тримає табличку із напрямом руху
І каже один подорожній: Спинися і слухай.
...І ці кораблі, із трюмами, повними золота,
Зникають за хмарами — до зустрічі із корсарами,
І падають дрібні монети — пожертви для сонця,
І цілий народ розчиняє навстіж віконця,
Водою свяченою змиває кіптяву й попіл,
І поруч сідають голуб, чайка і сокіл,
І фани скандують: То в кого міцніші яйця?
І каже один подорожній: Спинись і вдивляйся.
І ці кораблі, із вітрилами на тризубах,
З керманичем юним і картою задзеркалля,
На рейді стоять, а команда зціпила зуби,
Тримає щити дерев'яні, обтесані грубо,
І хтось ще тихенько: «Любо, братчики, любо»
І голосно разом у простір: «Героям слава!»

Narcis

і схилившись донизу, роздвоєним язиком
з чаші істини п'є свою дистильовану воду,
пізнає своє тіло — гортань перетікає піском,
пальці мацають пульс, крутить кістки на погоду
він проковтує час, спиняється в темряві слів,
він засвічує плівки, щоб не згадали про літо,
пізнає твоє тіло — він тільки його і хотів,
напинається струнка душі, а лунає трембіта.
так тривожно й судомно — у горлі вирує вода,
лиш відлунням німим наші спогади — вірусні кліпи.
чом ти зрячий на ринку, а вдома — суцільна біда,
чом ввійти не зуміємо в царство небесне, як діти?
він схилився на мить, але навіть сизиф застогнав,
дочекатися марно — самотньо кружляти віднині...
вріжеш хліба шматок — а кажеш, що бога пізнав,
а вином причастився, і вже чекаєш гостинець.

* * *

Це фонетика риби — мовчання густе, мов смола.
Неприховані сні у розмову вриваються тінню,
І навіщо поміж стін
Поміж злив ідеш навмання
Тільки краплі сідають на губи
І стають голосними.
Із каміння немовлених рік спробуй, викреши звук.
Так лунає бемоль, але ти не відчуєш різниці.
Рвучко браму замкни, але спробуй не вмити руки,
Щоби кожен відчув, хто господар цієї світлиці.
Не запрошуй нікого, стоятиме тиша і сіль,
Павутинно додолу звисатимуть лози і грона,
І луною обізветься паличка, кинута в мідь,
І покриє луска ці затерплі в мовчанні долоні.

* * *

Тримаєш думки при собі, а камінь на шворці,
Стрімко минаєш осінні ці переходи,
Розмови про біль, про скажених собак і лисів,
Шукаєш шляху найкоротшого в загостреній голці,
Та вушко її від спеки такої тріснуло,
І світ цей, вагітний вільгістю, втратив води.
Вони відійшли, наче військо від брами, вчора.
Вони не просили ні легкості, ні порятунку.
І падали, мов виноградини, теплі зорі,
І розтікалися мідними обладунками.
Блаженні благали ласки і зубожіння,
Життя, наче чудо, тобі підкладало зерня,
Стікалося листя рікою, пливло каміння,
А ти засівав ріллю, наче так і треба.
І треносом сповниш свій термос, рушаючи з хати,
У торбу дорога кладе невимовність скоромну,
Смакуєш її, перекочуєш слово у роті,
Тримаєш думки при собі, а монети для сплати,
Цей шлях найкоротший, але перевізник нескромний,
Тож знову цю осінь ми відкладемо на потім.

* * *

Ця кора не витримала зими і тріснула.
Ці руки не витримали напруги й обвисли.
Ці слова нічого не значать, поки лунають дзвони,
Але згодом ти все одно заплутаєшся у них,
Наче в заростях кропиви і довгій спідниці,
На кінчик якої наступаєш щоразу,
Як з вуст зривається невірна відповідь.
А солов'ї п'янкіші за результати дегустації,
А птахи вміють нявкати і не замовкати,
А замок навішуєш і навішуєш, гримиш ключами,

А ключиця напружено ловить погляд,
Що відкриває тобі незвідані таємниці.
Цей світ не такий простий, як здається.
Цей світ не такий складний, як думаєш.
Цей світ стає океаном із океанічною ніжністю,
Пиниться й змушує роздягатися: ось я, море.
Ось я, світе!
І відходячи від дерева, ти все ще відчуваєш:
Ця кора не витримала зими і тріснула.
Ці слова тріщать. І тільки руки тримають
І не дають впасти. Навіть коли заплутаєшся.

* * *

А потім риби відкривають крани
І втікають у тебе повноводо,
І витікають із тебе сподівання,
І приходить осінь,
Коли клени саджають себе у пожовклу траву.
Проростає каміння променями сонця
І виблискує скуто.
Кутовий! — кричить рефері.
І б'є великий і могутній по земній кулі,
А ти просиш хоробрості,
Як останній лев на золотій планеті,
Де пісок перетікає в судинах
І суджено закипіти від слів.
Зліва від серця теж б'ється
Маленький камінчик золотої рибки
Проси-не проси, вірити в казку дозволено,
Але тільки дітям, які не знали зради.

Марія Родінко

Україна

Самотність

Все, що у тебе назавше є — це твоя самотність.
Не розплісуй її по квартирах чужих і ліжках,
На телефонні дзвінки пусті та листи торішні,
Бо те, що учора являло собою істотність,
Сьогодні насправді — забута прочитана книжка.
Натомість самотність — це дуже забарлива річ,
Якщо вже у тебе вчепилась, то знай — надійно.
Її не бентежать ні радощі, ані війни,
Вона розпізнає тебе серед тисяч облич,
Єдина, хто любить так віддано й емоційно.
Самотність потрібно виховувати у собі,
Якщо вже освоїлась з тілом твоїм (на диво).
І як би у дійсності це не звучало жахливо:
Коли ти лишився всього у важкій боротьбі,
Самотність — це все, що у тебе зосталось, можливо.

Море

Заходь повільно у море,
вдихай сутінкову свіжість
п'яного його простору.
Воно так приємно ніжить.
Воно обережно лиже

твої обважнілі ноги,
вплітається ніби хижо
у коси уже вологі.
Тримає тебе за руку,
в сумні зазирає очі,
і з кожним його руханням
ти плаваєш більш охоче.
Заходиш повільно в море,
і хвилька тебе штовхає
в прозорий вечірній морок
підвалин морського раю.

* * *

Розтікається літо по всіх найбрудніших кутках,
Перем'ятим недопалком кидає травень під ноги,
Починається спека, і дехто вже навіть засмаг,
Але я цього року теплу не радію ні трохи.
Не радію ні сонцю я, ані обличчям дерев,
Ні старому корінню, яке проростає назовні,
Все це робить із мене ходячий оголений нерв,
Я втрачаю тебе і це літо стає беззмістовним.
Ти полишиш це місто так, ніби його і не знав,
І коріння столітнє ростиме без тебе спокійно,
І не знаю опісля скількох передранішніх кав
Я скажу, що забула твої світанкові обійми.

* * *

Тривожні думи. Сутінки. Туман.
Самотність вулиць. Боязке тремтіння.
І все жахне сплітається корінням
І припадає до відкритих ран.
І тягнеться вечірній караван

Чужих облич, думок і поговорів.
Ховаюся у вирі світлофорів.
Тривожні думи. Сутінки. Туман.

Процес народження любові

Твоя непричесана ніжність сполохує душу,
стирає кордон, за який ще до того не рушив
ніхто і ніколи. А ти так нахабно заліз
без всяких пояснень, законних причин або віз.
Відтоді в моїй загартованій смутком душі
ідуть безупинно холодні весняні дощі,
я ними вмиваюсь і бачу обличчя твоє,
такого мій розум уперше в житті зазнає...
А очі твої, як великі морські маяки
засвічують простір, і тінь від твоєї руки
лягає на мій невеличкий розгублений світ,
і врешті любов, наче сонний насуплений кріт,
із темних глибин на поверхню землі виповза,
бо всі його сни ти на руку собі нанизав...
І ось це кохання, народжене на глибині,
наповнює ріки, вмика прибережні вогні,
і повниться світлом пливкий прохолодний етер,
й ворухиться світ, що в мені до сьогодні завмер...
Глевке почуття привело ув омріяні сни...
Спасибі, що вийшов за межі тієї весни...

ВІТАННЯ ЧЕРЕЗ ПОКОЛІННЯ

твори членів журі Конкурсу

ПРИВІТСТВИЄ ЧЕРЕЗ ПОКОЛЄННЄ

произведения членов журі Конкурса

Віктор Бойко

Україна

* * *

Характерні риси нової ери —
чи тепер назавжди, чи до пори —
у Веселій Лопані бетеери,
у Козачій Лопані прапори
синьо-жовті поки що (це учора),
ще й тризуб сьогодні ще угорі...
Може, майорітимуть триколори —
старший брат позичить нам кольорів.
Тож гостей чекаймо собі на лихо —
рушникам не вірять давно вони.
Де була табличка «До міста вихід»,
мабуть, буде вихід лиш до війни.
А на танках — зорі. І курс — на Київ.
Помилитись — шанс лиш один зі ста:
не з такими йшли давно на батиїв,
а з такими брали колись рейхстаг.
У могил спитаю, де батько й мати,
бо екрану віри давно не йму,
чи російські краще б'ють автомати,
ніж німецькі сімдесят літ тому.
Зазіхнути легко й на Емірати —
що ота Аляска — холодний штат!..
Й досі б величав себе старшим братом,
тільки чом же в дзеркалі — супостат!

25.04.2014

* * *

Нап'юсь води, — росою вкритий кухлик, —
схлюпнувши зверху літепла в траву...
Є рай земний, що зветься Літня Кухня.
Я в ньому жив і житиму. Й живу.
Петунії до вікон позбігались,
і, наче бджілка, лагідна оса...
Смеркається, і сад вчиняє галас —
не Гетсиманський, а звичайний сад.
Шелесне листям, яблуками гупа,
сполоха сонних горлиць на даху.
Про дерево пізнання знають губи,
та ніколи вдаватись до рахуб...
Усе життя — то темрява, то спалах...
І мудрий промінь пише на стіні —
для того й ніч, аби удвох не спалось,
для того й день, щоб згадувати ніч.
Ще прийде час сміятися на кутні...
Хай знає, що усупереч табу,
у тім раю, що зветься Літня Кухня,
я був щасливий. Я щасливий був.

15.09.2014

* * *

*«Которые тут временные?
Слазь!*

Кончилось ваше время».

В. Маяковский

Вождів завізно тих, що креслять путь
підлеглим, підневільним посполитим,
аби на постаментах з бронзи литим
дивитись, як по ній народи йдуть,

що їм локшину міряли до вух,
що їх взували — аж горіли п'яти, —
аби усім — живим, але розп'ятим, —
і на хресті все ж не втрачати слух.
Вожді — угору, посполиті — вниз,
туди, де тундра, і тайга, й копальні,
аби сусіди, — що близькі, що дальні, —
надійно впали і не підвелись.
Шукати довго довелось лекал,
аби путі накреслені уздріти...
Локшину з вух звиває часу вітер,
являє із-під усмішок оскал.
Затісно стало в тундрі та в тайзі,
хоча достатньо золота і кедрів,
вожді в промовах ще являли щедрість,
та вже було взуття не по нозі...
Можливо, в милосерді є резон —
вождів живими не спіткала кара...
Порожня бронза пада на газон,
а там — вгорі — лиш черевиків пара.

29.09.2014

* * *

В якійсь із галерей — списи і ятагани,
ще пишуть козаки султанові листа,
цього ясного дня не думай про погане —
а камінь на душі, то ти його дістань
і кинь, щоб не знайти хоч нині, хоч по тому,
як наміри лихі забудеш назавжди,
як струджений душі здолати вдасться втому
новий шукати камінь усе-таки зажди...
А час — немов стріла... Той, що колись волами
тебе не здоганяв, чекав у сні рудім,
як сотника пернач, полковників — булави

опісля перемог у ратному труді.
Хозарський каганат. І келепи, й шоломи —
які були часи, такі ж і словеса...
І ниви для зерна, авжеж, не для соломи,
й хіба що в словниках аж звідтіля яса —
данина чи наказ, салют чи заборона —
повз вуха пронеслось, у пам'яті нема...
Лиш протягом вітрець з корон, а надто з тронів
і порох і золу безпристрасно зніма.
В якійсь із галерей — до раритетів ласі
мандрівці й глядачі розважливих вистав —
прокинуться на мить й лишаються у часі,
де пишуть козаки султанові листа.

14.10.2014. Харків

* * *

Тараса погляд мені просто в вічі,
отак Дніпро перетинають вплав...
А я живу іще в середньовіччі
без світла, без води і без тепла.
В метро погріюсь, на майдані стану,
потисну руку стрічному комусь
і вчую голос аж із Туркестану
чи то кобиз, чи брат його комуз.
Пісок пустелі залетить за комір,
замружуй очі, щоб іти вперед,
прислухайся, бряжчать твої закови,
а для ночівлі маєш ожеред.
Усе ж таки не на жорстокім плаці
під пильним наглядом вояки-пса...
Та от здається, що Тарас заплаче,
мовляв, навіщо ж «Кобзаря» писав...

28.10.2014. Харків

* * *

Про ранній сніг казати час
в день перший листопада,
коли вже ночі вистача
обом у сон вступати...
Замерзлі яблука в саду —
канікули до травня,
а я в непам'ять не впаду
ні звечора, ні зрання...
Бо течія її мілка
і хвилі іграшкові.
Засяє іній на гілках
дерев старих при школі.
Тебе спитаю: «Ти чия?» —
не знаю сам немовби...
Тож не повірить течія,
і вічна і незмовкна.
Та згадувати схочу сам
без вічної шпаргалки
час, коли вірив чудесам,
обстоюючи палко
в морознім грудні цвіт в саду,
де соловей чи зяблик
співає пісню молоду
поміж замерзлих яблук.

4.12.2014

Казимеж Бурнат

Польша

Рефлексия

Освобождён
богом не будешь

неведомо даже
встретишь ли его

Перелицовка веры

Посмотри на себя сверху

видишь много начал
единственный конец

но это ты
остаёшься в вышине

независимо от иерархов
золотым лекарством

* * *

Достались мне ключи
от многих дверей

но вход непостижим
как отражение дна зеркала

* * *

Неустанно
непокоит меня
глубокое прошлое

столько лет

столько лет с тобой
без тебя

это любовь

Перевёл с польского
Сергей Шелковый

Красимир Георгиев

България

Война

Империите се градят с войни!
Мирът е за страхливите и слабите!
Героите ги помнят! А дали
не е измислил тези мисли дяволът,

обяздил своя атомен Пегас,
възпяващ бойните поля на времето...
Но няма поетична смърт, смъртта
е винаги на прозата творение.

Войната — крехък мост над пропастта,
със страстна блудна власт ще ни прегърне,
но ако гледаш дълго към смъртта,
тя скоро с поглед свой ще ти отвърне.

След подвиг ли, или след зла съдба,
отправляме се в същата посока.
И няма героична смърт, смъртта
е винаги нелепа и жестока.

Венци красят безстрашие и страх,
фанфари паметно благоговеят.
И ще се помни дълго таз война,
но не и от воювалите в нея.

Война

Империи живут насильем и войной.
Когда воюет Савл, теряет голос Павел.
Над теми, кто убит, над паствою земной
провозглашает власть самодержавный дьявол.

Пегасом в рифму ржёт, бахвалится война
то ядерным грибом, то атомною розой.
Но поэтичных слов для смерти нет — она
написана всегда неумолимой прозой.

Над бездною войны мосты, дрожа, висят.
А власть-блудница бьёт нечистому поклоны.
И, если устремлён к гибели твой взгляд,
тебе навстречу смерть откроет взор бездонный,

и вновь пойдёт огнём на хрупкое жильё,
и в ненависть, и в месть ввергая мир без срока.
И героизма нет в костлявой — суть её
в любые времена нелепа и жестока.

Венки укроют всё — бесстрашие и страх,
фанфары прозвучат, благоговейно кратки,
над павшим и над тем, кто на семи ветрах
мешает свет и тьму в немыслимой загадке.

*Перевёл с болгарского
Сергей Шелковий*

Откъс от поемата «Последният българин»

България — тази гъста гора, тази мътна река, тази стара къща,
порутена барикада, разделяща рая и ада, проядено от
времето евангелие,

цял живот вървим към теб, но всъщност цял живот от теб се
връщаме,
от едната страна сме ние, грешниците, от другата страна са
ангелите,

от едната страна сме ние, сивите граждани, от другата
е върхушката.
Ние сме мършата, те са лешоядите, ние сме миналото, те са
бъдното.
Големият път води поне до две селища, а нашият път тръгва
от тях и до тях свършва,
нашият път свързва два свята — този и отвъдния.

Из поэмы «Последний болгарин»

О, Болгария — горы в лесах, кипень рек, белых хаток
соцветия.
Груз руин над добром и над злом. В язвах — Книга спасения.
Рвусь всей жизнью к тебе, но дороги — длинней, чем
столетия.
Половина души нашей — свет, а вторая — и грех,
и смятение.

Вот мы, дети заветной земли, а над нами —
мутанты-правители,
круг стервятников в жажде пожив. И всё щерятся
бесы прошлого в очи грядущему. Лику Спасителя
об Отчизне молюсь я. И знаю — по вере отмерится...

*Перевёл с болгарского
Сергей Шелковий*

От другата страна на реката

Пригответи се за краткото плаване
към спокойния бряг на забравата.
Ще усетиш космическа радост
и ще напуснеш тялото си.

С живота си човек може да спори,
но със смъртта не се преговаря.
Нужни са само мъничко болка
и две монети за лодкаря.

По ту сторону реки

Приготовься к короткому плаванью
в безмятежность, в забвения край.
На челне над космической гаванью
понесётся душа твоя в рай.

Спор со смертью — занятие пустое,
да, похоже, и времени нет.
Ни забот, ни кредитки с собою
не бери в измеренье иное,
лишь гребцу — пару медных монет.

*Перевёл с болгарского
Сергей Шелковый*

Жена без сянка

Дълбока мъка е в очите ти стаена,
дълбока мъка с цвят на самота.
Сама планета сред сама вселена,
сама светулка сред сама земя.

И пясъчни часовници отново,
отново този дълъг-дълъг дъжд...
Съдбата на едно ребро Христово —
жена без сянката на мъж.

Женщина без тени

Глаза твои полны печали неизменной,
так грусть их глубока — утонут корабли.
Одной планеты свет средь черноты Вселенной,
одной свечи огонь во тьме ночной земли.

Песочные часы шуршат, и ветер снова
дождю поёт псалом и притчу о тебе.
Невеста, но ничья, плоть от ребра Христового,
без тени рук мужских, без проблеска в судьбе.

*Перевёл с болгарского
Сергей Шелковий*

Играта

И започнахме странна игра
ненадейно и скоропостижно,
неграмотници в любовта,
сплели бледи ръце във верижн
и лъжлива банална ръжда.

От играта ни нямаше нужда —
пеперудата на свещта
близка ли е или е чужда?
Правилата от брачен живот
с равнодушие ще ни подсещат,
за логичния изход — развод.
Свърши играта на вещици.

Пеперудата ще изгори
над свещта с мимолетно откритие
на закона, че има игри
без финал, а и без победител.

Игра

Мы ль с тобой той игрою живём,
где так странно и так ненадёжно
зов любовный и ночью, и днём
в сердце нам ударяет тревожно?

Крылья бабочки вспыхнут огнём
в магнетической ауре свечки.
Путь двоих. — Что мы знаем о нём,
простодушного чувства овечки?

Брачной жизни изломы — не впрок
юным рифмам в забытой тетрадке.
И развод — неизбежный итог
ловле смыслов в кофейном остатке.

Кто — сгоревший в огне мотылёк?
Кто попутчик, свидетель и зритель?
Каждый прав. Никому невдомёк,
есть ли в странной игре победитель...

*Перевёл с болгарского
Сергей Шелковый*

Пътувания

Нямат значение посоките, казва Буда,
важното е да не изгасва огънят.

Пътищата се правят заради пътуванията,
а не заради местата, към които водят.

Странствия

Главное — не направление движенья. Важнее
пламя в душе человеческой — Будда изрёк.
Странствия — вечный узор, самоценность идеи,
а не узлы остановок на нитях дорог.

Перевёл с болгарского
Сергей Шелковый

Фреска

Плачат иконите! Стари безбожници
търсят утеха в божия храм.
Плачат иконите! Богородици —
светли светици, изгарят от срам.

Куполи падат като въстания.
Плачат иконите! Стари слънца
бавно изгарят в своите пламъци.
Плачат иконите като деца.

Плачат иконите — горди презират
всички молитвени светове.
В тиха самотност бавно умират
дори влюбените в тях богове.

Стари безбожници търсят утеха
в тези икони. Светая светих
бавно се рони в прастария огън
като горящ еретичен стих.

Фреска

Плачут иконы! Безбожники молятся —
но не душой, но не каюсь — во храме.
Пред лицемерием их Богородица
ликом темнеет — в печали и сраме.

Рушится купол под грохот восстания.
Плачут иконы! И солнце усталое
гаснет в последнем слабеющем пламени.
И словно дети пречистые малые,

плачут иконы. — Надменной гордынею
мечена без покаянья дорога.
Скорбны над попанной верой-святынею
очи влюблённого в чад своих Бога.

Ищут спасенья безбожники старые
среди образов. Но заветы священные
вспыхнут вот-вот огнекрылою парюю,
как еретический стих над геенною.

Перевёл с болгарского
Сергей Шелковий

Олег Комков

Российская Федерация

Ананкэ

О, сколько б тусклый прах земных дорог
нога комедианта ни топтала,
вовек о скорбной участи Тантала
трубить надрывно будет древний рог!

Железной хваткой горло сдавит рок,
и вновь подъемлем с ревностью вассала
мы камни слов — священные кресала,
чтоб жертвы огонь возжечь в урочный срок.

В пылу агона нет с судьбою сладу;
как миф, страшна космическая роль, —
и, коль в игре добьемся мы успеха,

нам от богов достанутся в награду
пространства опрозраченная боль
и страждущих светил глухое эхо.

Зимние сумерки

Зима пришла, как смерть, развязна,
Снегами твердь испепелив,
И дудки ветра треплют праздно
Её назойливый мотив.

Принарядившись по старинке,
Хрустит костями седой декабрь:
Близки весёлые поминки,
И полоумные снежинки
Во мгле танцуют danse macabre.

Прислушайся

Прислушайся: в сердце — хрустальная тишь.
Лишь холод ласкает умолкшие струны,
Да ветер выводит незримые руны
В просторах, которым тоски не простишь.

Иль, может, простишь? Снежноликой зимы,
Приснившихся песен и праздника ради —
И звоном хрустальным взиграет в отраде
Прозрачная ночь, где потеряны мы.

Прислушайся: в мире — хрустальная тишь.
Чуть тронешь — осыпятся наземь осколки
Разбитой звездой с рождественской ёлки...
Ах, просто послушай! Услышишь — простишь.

Луксор

1

Среди колоссов и гранитных груд
с неуловимой статью махаона
в безмолвии застывшего зона
витают дух бесстрашной Хатшепсут.

Здесь мрамор хладен, как загробный суд,
и смерклося время милостью Амона.

Что мнится в смерти слуху фараона:
сребристый систр иль златозвонный уд?

Следит щербины, словно арабески,
непосвященный взгляд; и странно резки
изломы проступивших в камне черт.

Вдруг, отрезвленный тенью обелиска,
почует шаткий ум, как страшно близко
закатный дол за гранью гор простерт.

2

Склоняет взор палящее светило
пред бурым призраком державных Фив,
где, глину слова древле замесив,
судьба в безгласный сумрак исступила.

Всевластен запад, и восток ревнив:
рассёк пески клинок провидца-Нила.
Неужто смерть — гончарное горнило?
Неужто жизнь — необожжённый миф?

Днесь вечность, будто дремлющее эхо,
едва доносит зов священных сур
до теней, не взыскующих помина:

из времени исторгнутая вежа,
глядит вослед столетьям Ал-Кусур,
и терпкой тьмою пахнут зёрна тмина.

* * *

Дождливый день доверился строке,
К нездешнему взывая безответно, —

И вновь, как сон, явилась вдалеке
Высокой мглой окутанная Этна.

А где-то льётся жизнь, близка, тиха,
И, словно взор души, слезятся стёкла,
И дождь — как шум вспенённого стиха
Из прерванной поэмы Эмпедокла...

Сонет-фантазия

Вратиће се опет када лишиће пане...
Јован Дучић

Мне тайный лик открыла вновь — не та ль,
Чьи сны лились, печальны и негромки,
Из мглы, где бредит у незримой кромки
В небытие отпущенная даль? —

Облеки, обними, обмани,
Обреки на последнее чудо
Распылённые в сумраке дни! —
О несчастный! я небыль, остуда,
Лихорадка продрогшей стерни... —
Но откуда твой свет? — Ниоткуда...

И на ветру, как траурная шаль,
Волнами складок зыблются потёмки;
Оставив сердцу льдистых слов обломки,
Уходит прочь и гасит взор — не та ль?

* * *

Я странником себя не назову:
Из года в год, покоя полн иль гнева,

Слежу, как за окном одно и то же древо
Роняет и рождает вновь листву.

Но тайный взор в разрыве бытия
Разверзся, будто целым миром ранен, —
И прозреваю вдруг, что целый мир мне странен
И, точно призрак, миру странен я.

Игорь Лосиевский

Украина

* * *

Я на многое в мире закрыл глаза,
но такое порой сверкнет...
Есть старуха у Рильке — на полчаса
каждый вечер нырок в комод,
а во мраке его — чернее пруда —
золотою рыбкою брошь.
За такую полцарства, а иногда
даже душу свою отдаешь.
...Эта девушка гибкости неземной —
полулебедь, полудитя —
получила такую же власть надо мной,
не узнав о том, не захотя.
Просто села на край скамьи в метро,
распахнула глаза вдруг...
Прямо в сердце летит золотое перо!
И покою теперь каюк.
Как тревожит блеск стоозерных глаз,
взгляда гибельно остриё...
Но не буду, не буду думать о нас,
отойду, молясь за неё.
Для чего Ты с другой звезды ссадил
ту, которой бы жить в раю?
Вседержитель, неведомых полный сил,
 удержи меня, говорю!

Масленица

Как мне не любить тебя, масленный город,
где возится-косится мусорный голубь
и грач — тяжелы его взгляды, резки —
бросает цыганские косяки.
А тихий дворовый реликт — дядя Вася
с утра оклемался и с полудня квасит,
душа его тлеет у всех на виду,
тусклее сырой сигаретки во рту.
По образу он и подобию разве,
объект затухающий? Бес меня дразнит,
проблема сия — неземного ума,
а сумрак душевный — пока что не тьма.
Встряхнись, дядя Вася! Пусть ночи длинны —
соседка печёт золотые блины,
как сдоба, пышна, и, глядишь, угостит.
И каждого каждый простит.

Предсказание

Раковиной улитки дом наш завёрнут глухо,
пятиэтажный титаник, треснувший по торцу.
А на крыльце дежурит сумрачная старуха,
глазом вороньим душу любому прожжёт жильцу.
Этого обнадёжит, а на того осерчает,
не потому, что бабник, — чует нутром: подлец.
«Бабка, ещё не сдохла?» — мент её привечает.
А о соседе снизу шепчет она: «Не жилец».
Все мы туда, конечно, другого расклада нету,
только куда — неясно, кто-то в аду сгорит.
Небо как глаз вороний, и светляком — комета.
«Это к войне», — старуха раздумчиво говорит.
«Ё..ная Кассандра», — буркнул сосед болезный,
мент, слегка протрезвевший, пальцем вертел у виска.

Зря мы тогда смеялись, стоя у самой бездны.
Умер сосед, на границе — путинские войска.

Июнь 2014

Имажинисты

Б.В. Аверину

Напостовец всегда тверёз,
постмодернист из Бологого
не пялит зенки в бездну звезд,
и нет в нем шарма никакого.
А в этих, право, что-то есть —
в душевном странном естестве их
золоторунный — что за шерсть! —
то ли изгиб, а может, вывих...
К трюкачеству я попривык,
но как привыкнуть: ясноокий
в лугах пасется звездный бык
и только им дается в руки.
Значкам и прочим цацкам грош
цена, какой бы ни был Нобель,
но если тепленькой возьмешь
строку — бессмертье, значит, дембель!
Нет проку в рифме ли, стихе —
борща не сварить, дом не сложишь,
но не берут ни ржа, ни ложь их, —
спешат все дальше налегке...

На мотив Леопольда Стаффа

Памяти Виктора Рубановича

Дружок мой, воробей, надёжа пряткий,
весь мир — твоя страна, обрел гражданство
на всех дорогах ты, непостоянство
погоды — бич твой, но малы убытки.
«И наплевать, что никому не жалко
меня — ни городским, ни деревенским.
На сквозняке стоит-скрипит вселенском
под крышей моя щелка-коммуналка».
И в эту пору ты спасешь, я верю,
комочек свой, квазар тепла и страсти.
Как сердце, бьется он, зимы во власти,
и надо жить, переживя потерю.
Я друга потерял — но у окна ты,
сквозь дым зимы чирик твой бодрый слышу:
«Держись, держись!» И я держусь, малыш мой,
перед тобою тоже виноватый.

Константин Савельев

Украина

* * *

...А поклонникам сочных сюжетов —
перед пивом вечерним, в прайм-тайм —
мастера панорамы и света
наши смерти покажут онлайн.

В крепком кадре мохнатую сажу
оттенит ненароком сирень,
и ликуя в прямом репортаже
воспарит журналистская чернь.

В две минуты расправится с темой,
уложившись в отведенный срок...
а потом будут геев проблемы,
феминистки и Ближний Восток.

* * *

Не веря крепости преград,
в щебенку разбивая камень,
мы сами свой воздвигли ад
нетерпеливыми руками.

Давно погасшая звезда
и свет и тлен вливала в души,

а нас водили без труда
к ней психопаты и кликуши.

В мундир затянутый чурбан
вождям прокаркает осанну
и превращается в Афган
тишайший мир Афганистана.

И был рассвет призывно ал,
таможенник давил зевоту
и судьбы мальчиков читал
по лицам возле самолета.

А кто пришел оттуда цел,
тот знал — он в двух шагах от рая...
а на брусчатке танк ревел,
из камня искры высекая,

хрипела, рушилась в пыли
страна халтуры и парада —
мы без Вергилия прошли
кругами собственного ада.

И ясно чувствуешь теперь,
что ты сберег, а что разрушил,
что в каждом круге новый зверь
искал твою живую душу.

И так понятен века нрав,
что лишь душа чего-то стоит,
где подлость с трусостью смешав,
кладут фундамент новостроек.

* * *

В. Бердичевському

Там, где солнце завсегда в зените,
завсегда людей водоворот:
Для себя у Бога не просите...
мудро обронил экскурсовод.

Я смотрел на стену. Где-то близко
шли пути в неведомый чертог,
где о наших жизнях по запискам
узнаёт задумавшийся Бог.

Я представил, как устав от рая,
сильно потускневшего в веках,
он сидит, каракули читая
на разнообразных языках.

Как свисают бесконечной низкой
письмена, что просьбами полны,
где всегда отыщется записка
из моей растерянной страны.

Той, что просит мира и покоя,
той, где снова в венчиках из роз
площадью проходит под конвоем
битый мародерами Христос.

* * *

Видно, такое нам время отмерено.
Жизнь разломив, понимаешь вполне —
вечно стихи твои несвоевременны
в хмурой, пропитанной страхом стране.

В той, что со скрипом меняется вроде бы,
лозунги путая день ото дня.
Где ты всегда — лишь блажащий юродивый
возле с опричных подворий коня.

Конь этот дышит ленивою силою,
с детскою жалостью смотрит в упор...
знает: юродивых нынче не милуют
да и хозяин на выдумку скор.

Как в этой мерзости верить мне хочется,
что в не поспевшие к нам времена,
вспомнив сынов своих битых пророчества,
выдохнув страх, улыбнется страна.

Верю в любимцами славы осмеянных,
тех, кто не веря в чужие умы,
молча побрезговал быть своевременным
служкой на пире во время чумы.

* * *

Привет вам, властелины духа,
вас не страшил ни Крым, ни рым,
когда из окон ваших кухонь
несло пожаром верховым.

В какую едкую микстуру
мешались ярость, совесть, бред,
в стране, где в глотках — политура,
а в телевизорах — балет.

Как вы старались — не умея
расслышать хаоса шаги —
вложить невнятные идеи
в не утомленные мозги.

Эпоху напрочь перекосит...
и сброд свободных образин
с животной радостью разносит
ближайший винный магазин.

Кавказский пейзаж

Мужчины собирают дикий мед
и пьют вино. Домашнее. Завод,
что был когда-то в почести и славе,
давно разграблен. Гильзы вдоль аллея.
И хаос выдувает из щелей.
И вдоволь слухов в маленькой державе.

Понастрелялись. Можно отдохнуть.
Сходить за медом — ведь не близок путь,
налить вина и накормить форелью
с лепешкою заезжего глупца,
что вертит головою без конца —
и всё не верит общему веселью.

В оазисе подушек и перин
смирненно дозревает мандарин,
предчувствуя свой путь через границы.
Приморские гостиницы пусты,
хоть цены здесь беспечны и просты,
ведь чужестранны на купюрах лица.

А тот глупец, что попивал вино,
еще узнает: жизни полотно,
сгниёт и лопнет... и родятся звуки!..
и пожалеет, видя хамов рать,
что мед не научился собирать —
полезнейшей в отечестве науке.

Сергей Шелковый

Украина

* * *

Опускаешь глаза — а вокруг золотые монеты,
на траве, на асфальте, на вызревшей почве лежат.
То алтын, то пятак, то полтинник, горячий, как лето.
А отдашь иль возьмёшь — урожай и посеян, и сжат.

Поднимаешь глаза — над тобой безмятежное небо,
а минут через десять сгущается гроздью гроза.
Это слёзы псалмов, это жизни тревожная треба.
И ни крайнему сдаться, ни выстрелить первым нельзя.

Отче на небеси, да приникнет к земле Твоё имя,
да пребудет в душе моей великотрудный завет.
Я давно среди тех, кто ушли навсегда молодыми,
и уже среди тех, кто упорствует выслугой лет.

Догоняет война, и на спину бросается подлость —
с правоверным лицом родовой узнаваемый зверь.
И вишнёвою кровью кириллицы полнится повесть,
и распахнута сызнова в ад черноротая дверь.

Настигает война, но весна её перегоняет,
и царит над убитыми меченный вечностью май.
Страстотерпица мать лишь короткое Имя рыдает,
то, что помнил и ты. А забыл, так умри — вспоминай!

2014

Настурции, Луганск

Пять лепестков — настурции воронка.
Как нежно, пряно пахнет плоть её!
Она — из тех, не рвущихся, где тонко,
из защитивших прошлое моё.
Одной безмолвной вспышкой миновало —
и не поверишь! — шесть десятков лет.
И, как в речёвках смысла не бывало
все годы, так его и ныне нет.

Трещали, ввали, били в барабаны
о братстве, о всевидящем Отце,
чтоб шли сегодня на убой бараны
при полководце, волке-подлеце,
чтоб там, где ты вела меня вдоль сада,
вдоль радуги, кормилица моя,
дымились клочья смысла, мира, града
и очи юных ела бы змея.

Но вижу мой Луганск, настурций грядку
в том первородном Марфином саду...
Когда ж нас всех уроют по порядку,
я грешной тенью в этот рай войду,
где светит мой цветок горячим оком
и шепчет клятву самых верных губ...
Как пахнет счастьем, горьким и далёким,
его кроващих лепестков раструб!

2014

* * *

Дорогим мертвецам наливаю я рюмку багряного,
к незабытым устам подношу поминанье вина.

Не случилось мне, дед мой, ни разу видать тебя пьяного,
но сегодня прошу тебя: выпей со мною до дна.

Неугасшим глазам соберу угощение краткое:
помидоры и хлеб — на двоих за дощатым столом,
среди осенних стволов, под кирпичной оранжевой
кладкою —
у садового дома, что крепок ещё на излом.

Иоанн Иоанныч! Не выдохнуть гласных блаженнее,
не найти всенароднее имени и веселей.
Потемнел виноград — твоих саженцев-лоз продолжение,
фиолет «изабеллы» подмешан в воздушный елей.

Эти стебли, увившие стену, — по-прежнему сильные.
Я к ладони твоей потянусь и опять узнаю:
теплоносную линию жизни, наследье фамильное —
широченную руку отцову и лапу свою...

Сторона моя русая — правда моя погорелая!
Что и взять с тебя — водки пузырь или костей полведра?
Не за это люблю тебя. Вот что от сердца я сделаю:
снова вспомню своих — Иоанна. Николу. Петра.

Альгамбра

О Гранаде, печалюсь и радуясь, выдохни слово
там, где смешан влюблённости день с вековой тоской,
где восходят к дворцу с Торровьехой вдвоём Терранова,
и на холм с Калатравой весь род поспешает людской.
О Гранаде, в лиловых и розовых ветках цветенья,
там, где солнце — в соитие с дождём по-над майским холмом,
где под шлемом седин молодявого чувства смятенье,
паче чаянья, сходится ныне с прицельным умом.

О Гранаде — без скорби! Ведь нежная птица Альгамбры
плещет в небе крылом кружевным и узорным пером.
Носят пчёлы с багрянца Иудина дерева амбру,
белый «Боинг» счастливо садится на аэродром.
И из мраморной чаши фонтана с проточной водою
чёрный дрозд жёлтым клювом аллюзии вечности пьёт.
О Гранаде — всем голосом, всею душой молодою,
мавританский целуя, пропитанный магией рот.

Все потоки пороков и жертв, реки все Реконкисты
остаются за кадром. Журчит в арабесках ручей,
так напевно-молитвенно, так целомудренно-чисто,
что любовь — есть воистину Бог по-над тьмою ничьей.
Белый лайнер «Иберии» мчится по ленте бетонной,
снежной стражей очерчены Сьерры-Невады клыки.
Но смиренно-мудры Халифата почившего склоны.
Об Альгамбре от счастья заплачь. Ибо путь твой исконный,
человеческий — в здешнем узоре Господней тоски.

2013

* * *

Итак, добираться мне до Феодосии —
лишь ночь, лишь чуток золотистого дня.
Там кровная мысль о двоюродном Осипе
так бодро под рёбра бодает меня!
Там облик египетский брезжит и слышится
непойманный цокот худых башмаков.
Развеяна гневная Максова ижица,
и свеж голубеющий плюш ишаков.

Привольно вдыхается нищее диво
земли загорелой, зелёной воды.
Овечьих холмов травяные наплывы

вдоль моря текут, вдоль солёной слюды.
Лоскутная известняковая Каффа!
Как щедро — всего-то полсуток пути,
чтоб в складках пиратского красного шарфа
листок со взъерошенной рифмой найти!

С щепоткою тмина, с корицею в мокко,
с угаданным клювом среди гущи на дне,
с такой молодою — не знающей срока —
пузырчатой радостью в жёлтом вине,
с рыбацкою лодкой, что, еле белея,
спешит, обгоняя кефаль и макрель, —
в край ладана, смирны, тоски и елея,
туда, где Эллада, Ливан, Галилея —
озёра и смоквы Заветных земель...

Владимир Ягличич

Сербия

Милост

М. Јанковићу Миђе (1932—2010)

Сељак на трonoшку сео, у дан леп,
привезо за задњу ногу кравин реп.

Музо сисе — млеко у кофи већ расте,
па се претурио и пао под јасле.

То је било јуче, а данас се прича
да се, ето, најзад, одморио чича.

Данас — на асталу свежа паки јаче,
подвезало браду свилено марамче.

По напорном раду, док га својта двори,
прилего домаћин, малко, да одмори.

Тридесет година нисам био ту,
тако близу смрти и родноме тлу.

Иста кућа, сниска, малио шта заувар,
само испуклином прозевао дувар.

Тридесет година, ко дланом о длан:
за сахрану диван освануо дан.

Можда живим слепо, ко у неком плашту
према недостижном, глувом сиромаштву

где се смилостила, ко дланом о длан,
Смрт да стигне, брзо, у прелепи дан.

Милость

М. Янковичу Мидже (1932—2010)

Сел мужик на треножник в прекрасный Господний день,
хвост коровий к ноге подвязал — хлопотать не лень.

Доит вымя парное и полнит ведро молоком,
только вдруг опрокинулся, рухнул у яслей ничком.

Это было вчера, а сегодня слышно: «Ну вот,
наконец-то от дум и забот старик отдохнёт».

И свеча на столе слезится, и катится воска сок,
и покойника бороду подвязал атласный платок.

После тяжелой работы родные стоят над ним,
лёг хозяин чуток вздремнуть, лежит недвижим.

Тридцать лет я здесь не был, блуждая в добре и зле,
не был близко, вплотную к смерти, к родной земле.

Тот же дом невысокий, где жизнь человека трудна,
только трещин погуще и вспучена больше стена.

Тридцать лет промелькнуло, как будто ладонь о ладонь,
и сияет над днём похоронным небесный огонь.

Может быть, я живу в глухоте, словно в неком плаще,
в слепоте, в непроглядном сиротстве людей и вещей,

где, явив свою милость, отбросив прозрачную тень,
смерть приходит мгновенно в сияющий дивный день.

Перевёл с сербского
Сергей Шелковый

Хоризонт

Отварах, и не једном прозорче са избице,
да мотрим обле пределе као да су надохват —
ту нерамљену сличицу, ко с кутије шибице,
заклоњености која може спречити пропаст.
Дуго се безизлазна битка, до смрти, водила,
с данима претвореним у претпропасни фронт —
тај прозор је закуцан, има сијасет година,
и избица је нахеро — стоји тек хоризонт.

Горизонт

Открывал, и не раз, я избушки оконце,
что глядело на плавность холмов впереди,
на картинку-открытку в обилии солнца,
чей уют нас от гибели мог бы спасти.
Но взметнулась жестоко смертельная битва,
каждый день обращая в предгибельный фронт.
Заколочены окна. Умолкли молитвы.
Избы кривы, мертвы. Жив один горизонт.

Перевёл с сербского
Сергей Шелковый

* * *

Ту, у скупим ритама,
уз отров ко лек,
једна раса читава
окончава век.
Врста, јасно биготна,
сој приглуп, а горд.
Важно троше живот на
партије и спорт.
Негде коњиц вилени
тле пред битку лопата.
Негде, помно, из сени,
Платон слуша Сократа.
Негде мати с вриском
у болници рађа.
А два спрата испод
госте смрт похађа.
На мансарди три са три
непризнат и тих,
неко се од света скри
да доврши стих.
Над гробљима вихори
прате душин лет.
Непризнати стихови
допуниће свет.

* * *

В тряпках особенных брендов,
с ядом лекарство мешая,
раса, на все сто процентов
чистая, круг завершает.
Лжи, лицемерия раса,
жизнь свою в глупом азарте

губит, с надменной гримасой,
в мареве спорта и партий.
Лошадь под всадником где-то
пляшет, и блещут их латы.
Мудрому внемля совету,
смотрит Платон на Сократа.
Мать, среди хрома и марли,
с криками боли рождает.
Ниже, в больничном подвале,
смерть свою дань поджидает.
И под чердачною крышей,
тих, продолжает служенье
вестник, от мира укрывший
лучших стихов завершение.
Тезис надгробья дописан.
Ветер — души не догонит.
Стих, что вчера был непризнан,
мир откровеньем дополнит.

Перевёл с сербского
Сергей Шелковый

* * *

У ваздуху мог родног краја
свуд поезија — несвесна себе.
Само у тренут опроштаја
уђе у срце, да зазебе.
А за сусрета — неко славље
затрепти, сунчан зуј бумбара.
Шумадија је мени здравље,
а здравље, зна се — нема пара.
Наизуст букве у лузима
шуморе песму што спасава —
зато им круне нимбусима

магла, у зору, овенчава?
Ту ти научи, ставши самцит,
смирењу рад ко руци Ђорда,
оно што није знао Тацит,
што не би могла три Оксфорда.
Најзад, ствар свака зна пристићи
свом циљу: лађа луци, млади
Икар свом валу, а пилићи
квочки, где баба их насади.
И шушти лишће, опомиње
на незнан корак дремну честу —
с презрењем смеше се глогиње
да је све, овде, на свом месту.

* * *

В воздухе родины, отчего края
дышит поэзия, — пусть неосознанно, —
только в минуты прощанья сжимая
сердце — печалью и ласкою позднею.
А с каждым новым свиданием празднество
полнится солнцем шмелиного пения.
Здравствуй, Шумадия, песня и здравица!
Здравствуй, и вдох мой, и сердцебиение!
Буквы, над лугом сияя соцветьями,
шепчут спасенье нам — кем бы мы ни были.
Не потому ли рассветами летними
мгла осеняет их головы нимбами?
Здесь вдруг услышишь в тиши одиночества,
как в озарении, словно до опыта,
некие почвенной глубы пророчества,
то, что — до Тацита, то, что — вне Оксфорда.
Вещи здесь мечены целью и сутью:
судно в порту, и Икар приводняется.
Греет наследка свой выводок грудью,

бабушка, глядя на них, усмехается.
Листья шумят неустанно, вещая
новые тропы. В дремотном подлеске
светится алый боярышник, зная:
всё здесь надёжно, всё точно на месте.

Перевёл с сербского
Сергей Шелковий

* * *

Не знам ништа о Богу,
али види се: геније.
Схватити га не могу,
нити ће ноћно бедније.
Те горе, то тле каљаво,
мора, дрвеће, свици:
то је стварати ваљало
у љутој оскудици.
С људима? Тешко, с њима.
Не примају за свога.
Шта би тек осталима,
кад су распели Бога?
Ко пред црквама губав
чекам што ме не чека:
ту обећану љубав,
лепотицу из прека.
Још један грешан стих
са главом у сепету.
Судиће ми за њих,
ал не на овом свету.
Само, то нада није.
Пре мир. Пре круг. Пре пут.
Ми ропћемо. Геније
сздаје, осмехнут.

* * *

О Боге ничего не знаю.
Одно лишь очевидно: гений.
И, суть Его не приближая,
уходят вдаль ночные бденья.
И гладь морей, и хаос горный,
и летний луг в цветенье пенном —
всё это Он творил упорно
в своём сиротстве вдохновенном.
А люди? Неуютно с ними —
за своего не принимают
и фарисейской лжи во имя
на крест Спасителя бросают.
И словно нищий возле церкви,
жду то, что вряд ли мне судилось:
любовь, чьи очи не померкли,
далёкой чаровницы милость.
А ночью вновь меня разбудит
мой стих — не «дважды два — четыре».
За этот грех меня осудят,
но не сейчас, не в этом мире.
Реальность — отблеск сновидений:
круги, пути в надежде зыбкой.
Мы ропщем. А рабочий гений
творит грядущее с улыбкой.

*Перевёл с сербского
Сергей Шелковий*

Зміст

Сергей Шелковый. О Международной Славянской Поэтической Премии	3
---	---

*Твори учасників конкурсу
«Міжнародна Слов'янська поетична премія»
2014*

*Произведения участников конкурса
«Международная Славянская поэтическая премия»
2014*

Антоніна Тимченко, Україна, перша премія

«Уривки слів про тіні у степу...»	10
«Раз у раз перевіряє двері...»	10
«Грізно і певно, зсунувши брови, як вождь...»	11
Пісенька про банальну риму.	11
«Писати знічев'я — ниточку загублю...»	12

Анастасія Перевозник, Україна, друга премія

«Ти слідами моїми не йди. То дорога не та...»	13
Голос	14
«Ти тримай мене так, ніби завтра почнеться війна...»	15
«Поки можна писати листи і рука не підводить...»	15
«Іще гірчить у горлі сивий дим...»	16

Леонід Поторак, Молдова, Чехія, третя премія

Ночь нежна	17
10 января 2014 года	18
Никому ни о чем	18
«Ах какие струны звучат низами...»	21
«Белый свет станет белым к концу декабря...»	21

Кирилл Алейников, РФ, дипломант

Камчатское поле	23
Художник	24

Саломея	25
«Ночь, как чаща, глуха, до последней планеты продрогла...»	27

Татьяна Иванова, Україна, дипломант

«Сколько тебе осталось тугих мостов...»	28
«Ты чувствуешь лист сквозь подушечки пальцев...»	28
«Я расплавленный шарик, лисица, печка...»	29
«И остаешься: рыбкой, бьющеюся в воде...»	29
«С закрытыми глазами — прямо в цель...»	30
«Черноглазый ворон, смертельно уставший бог...»	30
«Хищно-яркое небо трепещет...»	31

Олег Коцарев, Україна, дипломант

Близько 200 км	32
Концерт річища	33
Рояль Шимановського	35
Осінні діалекти	36
Фольга і місяць	37

Юлия Максимейко, Україна, дипломант

«Внезапная осень. Темнеет рано...»	39
«Я себя извлекаю из ржавой коробки...»	39
«Мой нос поцарапан, а руки и вовсе — разбиты...»	40
«Мне в последнее время слышатся крики чаек...»	40
«Не тебе досталась младшая из сестёр...»	41
«Перегорела. Простыла. Выстиралась...»	41

Наталя Пасічник, Україна, дипломант

Пастух бджіл	42
«жовта згряя комах під крихкою корою...»	42
«повний місяць — тому і не спиться...»	43
«вдариш по хвилі і човен поверне тричі...»	43
«під блакитною хвоею снігу немає місця...»	44
«тінь між деревами синіх небес гобелен...»	44

Олексій Юрін, Україна, дипломант

Банани	45
Без ГМО	45
Вчені кажуть....	46
ПОцілунки ПО-французьки	46
Амедео Модільяні	47
Тантрична люБОВ	47

Павел Астров, Латвія

«Проговори себя и стань собой...»	49
Сад	49
Выбор	50
Я ждал	50
Детство	51
Где радуги сплетаются, как змеи.....	51

Ірина Жарікова, Україна

Слова	53
«Гудят самолёты, как вещие птицы столетий...»	54
БЖ	54
«Чеканит время разных грозных, грязных...»	55
Книжкове	56

Канат Канака, Казахстан

«Прошла зима, и полегчало саду...»	57
«Какую рану нанесу...»	59
«Зрачок луною отвлечённый...»	60
Кавказец	62

Александр Лукьяненко, Украина

Влюблённые	64
Небом зацелованный	64
«Уходят дни, не ведая возврата...»	65
«Чёрной плащаницею...»	66
Круги на воде	66

Ірина Мельник, Україна

Пам'ятаєш?!	68
Донечці Ірині	69
Вишневі сади твоїх слів	70
Кожен з нас — поет	71
Перебудемо, Рідна	71

Роман Новарро, Латвія

«Я помню — мальчишкой бегу по зелёному склону...»	72
Празднество	73
Демигод	74
Городу-пеклу посвящается	75
Sincerio	76

Олег Озарянин, Україна

«Едва душа увязнет в мелочах...»	78
«Я приходил туда по четвергам...»	79
Околесица	80
Майдановский блаженный	81
«Ещё одна закончилась зима...»	81

Олена Рибка, Україна

«...І ці кораблі, навантажені страхом і зрадою...»	83
Narcis	84
«Це фонетика риби — мовчання густе, мов смола...»	84
«Тримаєш думки при собі, а камінь на шворці...»	85
«Ця кора не витримала зими і тріснула...»	85
«А потім риби відкривають крани...»	86

Марія Родінко, Україна

Самотність	87
Море	87
«Розтікається літо по всіх найбрудніших кутках...»	88
«Тривожні думи. Сутінки. Туман...»	88
Процес народження любові	89

*Вітання через покоління
Твори членів журі конкурсу
«Міжнародна Слов'янська поетична премія»
2014*

*Приветствие через поколение
Произведения членов жюри конкурса
«Международная Славянская поэтическая премия»
2014*

Віктор Бойко, Україна

«Характерні риси нової ери...»	91
«Нап'юсь води, — росою вкритий кухлик...»	92
«Вождів завізно тих, що креслять путь...»	92
«В якійсь із галерей — списи і ятагани...»	93
«Тараса погляд мені просто в вічі...»	94
«Про ранній сніг казати час...»	95

Казимеж Бурнат, Польща

Рефлексія. Перевёл с польского Сергей Шелковий	96
--	----

Перелицовка веры. Перевёл с польского Сергей Шелковый ...	96
«Достались мне ключи...». Перевёл с польского Сергей Шелковый	96
«Неустанно...». Перевёл с польского Сергей Шелковый	97
Красимир Георгиев, Болгария	98
Война.....	98
Война. Перевёл с болгарского Сергей Шелковый	99
Откъс от поемата «Последният българин»	99
Из поэмы «Последний болгарин». Перевёл с болгарского Сергей Шелковый	100
От другата страна на реката	101
По ту сторону реки. Перевёл с болгарского Сергей Шелковый	101
Жена без сянка	101
Женщина без тени. Перевёл с болгарского Сергей Шелковый	102
Играта	102
Игра. Перевёл с болгарского Сергей Шелковый	103
Пътувания	103
Странствия. Перевёл с болгарского Сергей Шелковый	104
Фреска	104
Фреска. Перевёл с болгарского Сергей Шелковый	105
Олег Комков, Российская Федерация	
Ананкэ	106
Зимние сумерки	106
Прислушайся	107
Луксор	107
«Дожливый день доверился строке...»	108
Сонет-фантазия	109
«Я странником себя не назову...»	109
Игорь Лосиевский, Украина	
«Я на многое в мире закрыл глаза...»	111
Масленица	112
Предсказание	112
Имажинисты	113
На мотив Леопольда Стаффа	114
Константин Савельев, Украина	
«...А поклонникам сочных сюжетов...»	115
«Не веря крепости преград...»	115

«Там, где солнце завсегда в зените...»	117
«Видно, такое нам время отмерено...»	117
«Привет вам, властелины духа...»	118
Кавказский пейзаж	119

Сергей Шелковый, Украина

«Опускаешь глаза — а вокруг золотые монеты...»	120
Настурции, Луганск	121
«Дорогим мертвецам наливаю я рюмку багряного...»	121
Альгамбра	122
«Итак, добираться мне до Феодосии...»	123

Владимир Ягличич, Сербия

Милост	125
Милость. <i>Перевёл с сербского Сергей Шелковый</i>	126
Хоризонт	127
Горизонт. <i>Перевёл с сербского Сергей Шелковый</i>	127
«Ту, у скупим ритама...»	128
«В тряпках особенных брендов...». <i>Перевёл с сербского Сергей Шелковый</i>	128
«У ваздуху мог родног краја...»	129
«В воздухе родины, отчего края...». <i>Перевёл с сербского Сергей Шелковый</i>	130
«Не знам ништа о Богу...»	131
«О Боге ничего не знаю...». <i>Перевёл с сербского Сергей Шелковый</i>	132

Літературно-художнє видання

**ДРУГИЙ КОНКУРС
«МІЖНАРОДНА СЛОВ'ЯНСЬКА
ПОЕТИЧНА ПРЕМІЯ»
2014**

Збірка поезій

Упорядник
С.К. Шелковий

**ВТОРОЙ КОНКУРС
«МЕЖДУНАРОДНАЯ СЛАВЯНСКАЯ
ПОЭТИЧЕСКАЯ ПРЕМИЯ»
2014**

Поэтический сборник

Составитель
С.К. Шелковий

Технічний редактор: Є. Онишко
Комп'ютерний дизайн: В. Носань

Підписано до друку 08.10.15. Формат 60х84/16.
Папір офсетний. Гарнітура Minion Pro. Друк офсетний.
Ум. друк. арк. 8,75. Зам. № 15-65.

Видання і друк ТОВ «Майдан»
61002, Харків, вул. Чернишевська, 59
Тел.: (057) 700-37-30
E-mail: maydan.stozhuk@gmail.com

Свідцтво про внесення суб'єкта видавничої справи
до Державного реєстру видавців і розповсюджувачів
видавничої продукції ДК № 1002 від 31.07.2002 р.